

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

1962

**Хрущев
Кеннеди
Кастро**

**Как мир
чуть не погиб**

Никонов Вячеслав. Книги известного историка и политолога

Вячеслав Никонов

**1962. Хрущев. Кеннеди.
Кастро. Как мир чуть не погиб**

«ЭКСМО»

2023

УДК 94(100)"1962"

ББК 63.3(0)63

Никонов В. А.

1962. Хрущев. Кеннеди. Кастро. Как мир чуть не погиб /
В. А. Никонов — «Эксмо», 2023 — (Никонов Вячеслав. Книги
известного историка и политолога)

ISBN 978-5-04-192019-7

Осенью 1962 года Советский Союз и США тринадцать дней находились на волосок от ядерной войны. Во время Карибского кризиса вооруженные силы двух стран были приведены в состояние повышенной готовности, а военные по 24 часа в сутки рассматривали потенциального противника через прицелы и системы наведения. Достаточно было трагической случайности, чтобы у кого-то из политиков в Москве, Вашингтоне или Гаване сдали нервы, и гибель десятков миллионов людей оказалась бы неизбежна. Судьбы мира зависели от решений всего трех человек: руководителя СССР Никиты Хрущева, президента США Джона Кеннеди и лидера кубинской революции Фиделя Кастро. В этой книге минута за минутой, час за часом, день за днем проанализирован самый страшный по возможным последствиям дипломатический и военный кризис, который когда-либо угрожал человечеству. Хрущев, Кеннеди и Кастро, их правительства и военные оказались в ловушке амбиций, взаимных подозрений, угроз и эскалации вооруженной мощи. Однако нашли в себе силы остановиться за мгновения до начала боевых действий. Отозвали ультиматумы. Нашли компромисс, благодаря которому угроза ядерного апокалипсиса была отодвинута почти на 60 лет. Хватит ли сегодняшним политикам мудрости, чтобы при схожих рисках глобального военного конфликта воспользоваться опытом разрешения Карибского кризиса и найти путь к миру? Автор — российский историк, публицист и общественный деятель Вячеслав Никонов — рассчитывает, что его скромный труд не только станет предупреждением, но также поможет в поиске разумного выхода. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)"1962"

ББК 63.3(0)63

ISBN 978-5-04-192019-7

© Никонов В. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Введение	7
Холодная война: краткий курс	11
Глава 1	16
Становление	16
Первый секретарь	26
Внешнеполитический дебют	29
Хозяин	35
Ракетно-ядерный щит	49
На американском направлении	52
Глава 2	63
Революционер	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вячеслав Алексеевич Никонов
Хрущев. Кеннеди. Кастро
Как мир чуть не погиб

© Никонов В.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение

Нас могло не быть.

Никого.

Или подавляющего большинства из живших тогда и живущих сейчас – на территории СССР, Соединенных Штатов, Кубы, Европы...

В истории человечества были трагические страницы, когда молох войны сметал человеческие жизни многими миллионами. Первая мировая и особенно Вторая мировая война – в первую очередь. Но даже в те страшные годы речь не шла о полном уничтожении целых стран и всех проживавших в них людей.

В истории человечества дважды применялось ядерное оружие: американцами в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 года. Но тогда число жертв в чудовищном атомном вихре исчислялось сотнями тысяч.

В октябре 1962 года вполне могли погибнуть сотни миллионов людей, а многие страны оказались бы просто сметенными с лица земли. А убийственные последствия ядерной войны ощутили бы немногие выжившие в ее огне в самых отдаленных уголках Земли. У меня, дошкольника, у всех, живших тогда в Москве, в других городах и поселках Советского Союза, не было шанса уцелеть.

Карибский кризис был самым опасным моментом в человеческой истории.

Дин Раск, занимавший в дни кризиса должность государственного секретаря США, утверждал: «Администрация Кеннеди имела несчастье испытать самый опасный кризис, который мир только видел, Кубинский ракетный кризис. Сверхдержавы были готовы вцепиться в глотки друг другу, национальные интересы и национальная гордость были публично поставлены на кон, ни одна из сторон поначалу не показала какого-либо желания отступить»¹.

Макджордж Банди, декан школы государственного управления в Гарварде, а тогда помощник Кеннеди по национальной безопасности, писал о «беспрецедентно суровом кризисе, когда риск ядерной войны, как признается почти всеми, был самым большим за все время до и после него»².

По словам многоопытного британского премьер-министра Гарольда Макмиллана, ветерана еще Первой мировой, дни кризиса были самым «опасным моментом, который пережил мир с конца Второй мировой войны»³.

Ведущий американский исследователь Карибского кризиса, известный гарвардский политолог Грэм Аллисон авторитетно заявляет: «История не знает других периодов, аналогичных тринадцати дням октября 1962 года, когда Соединенные Штаты и Советский Союз остановились у кромки ядерной пропасти. Никогда прежде не существовала столь высокая степень вероятности того, что такое большое число жизней неожиданно оборвется. Если бы война разразилась, она означала бы гибель 100 миллионов американцев... а также миллионов европейцев. По сравнению с этим естественные катастрофы и массовые уничтожения людей более ранних периодов истории выглядели бы незначительными»⁴.

Про Карибский кризис написано вроде бы довольно много.

Оставили воспоминания многие ключевые участники событий тех дней – сам Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР Никита Сергеевич Хрущев, член

¹ Rusk D. As I Saw It. L., 1991. P. 201

² Bundy M. Danger and survival: Choices about the bomb in the first fifty years. New York. 1988. P. 391.

³ Macmillan H. Introduction // Kennedy R. Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Missile Crisis. N.Y., 1969. P. 17.

⁴ Allison G. T. Essence of Decision. Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston, 1971. P. 1.

Президиума ЦК КПСС Анастас Иванович Микоян, министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, посол СССР в Вашингтоне Анатолий Федорович Добрынин, помощник Хрущева Олег Александрович Трояновский. Много ярких воспоминаний от наших военных, которые непосредственно руководили военной операцией на Кубе и участвовали в ней; от легендарных разведчиков – Николая Сергеевича Леонова, Александра Семеновича Феклисова.

Президент Кеннеди, естественно, мемуаров не оставил: его убили через год после Карибского кризиса. Но успел написать книгу «Тринадцать дней», до того, как его тоже убили, брат президента и министр юстиции Роберт Кеннеди. Воспоминаниями поделились Дин Раск, министр обороны Роберт Макнамара, Макджордж Банди, спичрайтер президента Теодор Соренсен.

Уникальный случай – дословно известны почти все дискуссии, которые велись в Белом доме в дни кризиса на заседаниях Исполнительного комитета Совета национальной безопасности («Экскома», ЕХСОММ, от «Executive Committee»), обсуждавшего варианты действий. Сохранились их магнитофонные записи, что подарило историкам и читателям море информации. Записи были сделаны самим президентом Кеннеди. Магнитофон находился в подвальном этаже Белого дома, его техническое обеспечение осуществляли сотрудники Секретной службы – личной охраны президента. Он один (может, еще его брат Роберт) знал, что разговоры записываются и «работал на историю». Записи не полные. Когда президент не хотел, чтобы его или чьи-то слова фиксировались, он просто нажимал кнопку, и запись прекращалась. Да и потом записи и их расшифровки прошли через много рук и внимательных глаз многочисленных цензоров из государственных органов и спецслужб. Но и то, что обнародовано, – огромный объем информации, который приводится по изданию 1997 года, вышедшему под редакцией Эрнста Мэя и Филиппа Зеликова⁵.

У нас изданы довольно полные сборники документов Президиума ЦК КПСС, содержащих черновые протокольные записи его заседаний, стенограммы, постановления. Конечно, это не магнитофонные записи, полноты и точности (особенно в черновых набросках секретарей) нет, но источник для анализа процесса принятия решений в Москве исключительно важный.

Огромную работу провели историки. Сын Хрущева – Сергей Никитович – выступал и как автор мемуаров из первых рук и как исследователь, работавший, правда, в основном в Соединенных Штатах.

В схожем амплу выступал и долгие годы возглавлявший Институт Латинской Америки РАН Серго Анастасович Микоян, собравший и систематизировавший большое количество архивных документов.

Из трудов чисто исторических следует выделить, в первую очередь работы академика Александра Александровича Фурсенко и труды, написанные им совместно с американско-канадским автором Тимоти Нафтали. Они тщательно проштудировали американские и советские архивы, переговорили с некоторыми тогда еще здравствовавшими участниками событий и подготовили богатую документальную базу.

Карибский кризис был предметом острых исторических споров, суть которых весьма неплохо передал Сергей Хрущев: «Решение переставить местами Скали и Фомина, вложить в уста последнего предложение о выводе советских ракет с Кубы в обмен на обещание не вторгаться на остров, в сочетании со столь популярной в США идеей, что после поражения десанта в Заливе Свиной и встречи в Вене отец посчитал Кеннеди слабаком, что и подтолкнуло его послать ракеты на Кубу, и с американской же концепцией, утверждающей, что постановка ракет на Кубе – заявка на изменение стратегического баланса, стало ключевым в американской мифологии Карибского кризиса: США победили, выигрывали противостояние, показали Хру-

⁵ The Kennedy Tapes. Inside the White House During the Cuban Missile Crisis / Ed. by Ernest R. May and Philip D. Zelikov. Cambridge (Mass.) – L., 1997.

щеву “кузькину мать”, заставили его отступить, забрать страшные ракеты домой, а обещание не нападать... Согласно тому же мифу, они и не собирались высаживать свои войска на Кубу.

Американские историки выстроили свою версию, она абсолютно патриотична: мы одержали верх! А вот почему российские историки и самые матерые, к примеру, автор книги “Адская игра” академик Александр Фурсенко, придерживаются американского мифа? Не понимаю. Если же поставить все с головы на ноги: ракеты завезли на Кубу, чтобы предотвратить американскую агрессию против Кубы, Белый дом пошел на попятный, отменил планы высадки своих вооруженных сил на остров (они, по последним американским данным, имели место быть), дали официальные гарантии ненападения на Кубу, а в ответ отец вывел ракеты с Кубы, как выполнившие свою миссию. Согласитесь, здесь победителем уже становится Советский Союз»⁶.

В последнее время споров немного, причем как у нас, так и в Соединенных Штатах. Там не сильно спорят, потому что уверены, что все о кризисе знают, и им все понятно.

В Америке тема Карибского кризиса весьма популярна, прежде всего потому, что она победная. Хотя были, как мы увидим, и критики Кеннеди, полагавшие, что, не прибегнув к военным средствам, он упустил блестящий шанс задушить на корню коммунистическую угрозу в Западном полушарии, а заодно и Советский Союз. И тема там популярна потому, что в США она вызывала куда большие эмоции, чем в СССР. Американцы были настолько напуганы собственной пропагандой в дни Карибского кризиса, что массово бежали из городов или из страны и рыли бомбоубежища. В американской исторической памяти это действительно важный и волнующий момент прошлого. Причем из ряда побед американского демократического добра над порочным тоталитарным злом.

В нашей стране не спорят, потому что и знают мало, и интересуются слабо. В СССР пропаганда была более аккуратной, и кризис прошел почти незамеченным, вызвав панику разве только у немногих посвященных в его детали. И как победу разрешение кризиса перестали трактовать уже с 1964 года, когда Хрущева сместили со всех его постов и отправили на пенсию. В числе его главных прегрешений называлась тогда и «военная авантюра» на Кубе. А затем фигура Хрущева надолго перестала быть привлекательной. Надо признаться, он не герой и моего романа. Хотя герой этой книги.

Для патриотов и коммунистов Хрущев остался разрушителем советской идеологии и государственности, а его поведение в дни Карибского кризиса – примером безответственности и трусости (на фоне мужества и профессионализма советских военных и самоотверженности кубинцев). Для либералов Хрущев – позитивная культовая фигура «оттепели», десталинизации и налаживания отношений с Западом. Но размещение ракет на Кубе либералы могут только осуждать как ничем не оправданную и чудовищную ошибку великого человека.

Так что для представителей всех идеологических течений Карибский кризис всегда казался чем-то чуждым и малоинтересным. Посему и относительно незначителен интерес к нему со стороны нашего исторического сообщества. Почти все известные исследователи Карибского кризиса уже ушли из жизни.

И еще одно обстоятельство, которое подвигло меня взяться за перо. Когда в 2022 году приближалось шестидесятилетие Карибского кризиса, я стал искать в лучших книжных магазинах Москвы книги об этом событии. Не нашел ни одной...

Сколько раз нам доводилось слышать про объективные силы исторического процесса, которые двигают поступками людей и историей. Прожив уже довольно долгую жизнь, большая часть из которой – в политике, признаюсь, что мне никогда не приходилось сталкиваться с действием объективных процессов. Известный британский историк войн Энтони Бивор сфор-

⁶ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 488–489.

мулировал «неписаное, но важное историческое правило: неизбежности не существует»⁷. И это действительно так.

Все, что происходило на моих глазах, будь то распад СССР или специальная военная операция на Украине, явилось следствием действий или бездействия очень небольшого количества людей, принимавших или не принимавших в конкретный момент времени те или иные решения, обязательные для исполнения государственными органами, прежде всего силовыми. «История в своей последней реальности творится немногими, она аристократична», – справедливо замечал наш выдающийся философ Николай Александрович Бердяев.

В случае с Карибским кризисом судьбы мира зависели от решений всего трех человек: Никиты Сергеевича Хрущева, президента Соединенных Штатов Америки Джона Фитцджеральда Кеннеди и Председателя Совета министров и Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Кубы Фиделя Алехандро Кастро Руса.

Только от воли Хрущева зависело появление советских ракет с ядерными боеголовками на Кубе: никому другому в руководстве СССР, как мы увидим, такое и в голову не могло прийти. А даже если бы и пришло, что с того без решения Хрущева?

Только с согласия Кастро ракеты могли оказаться на Кубе. Откажись он, и никакой Хрущев не смог бы реализовать такой план, и никакого Карибского кризиса бы не было. Точнее, был бы другой кризис, который вовсе не гарантировал выживание Кубинской революции, коль скоро американцы уже готовы были обрушить на Остров Свободы свою военную мощь.

Только от выдержки Кеннеди зависел отказ от применения этой мощи против советских Вооруженных Сил и военных объектов на Кубе, что могло вызвать немедленную войну между СССР и Соединенными Штатами с более чем вероятной ядерной эскалацией.

А объективные факторы? Разве что «холодная война» и наличие у двух сверхдержав ядерного оружия. И то эти факторы были порождены субъективными решениями и творениями разумов отдельных личностей.

Поэтому и начнем с «холодной войны».

И с трех личностей, чьи решения и заварили всю эту кашу, и позволили нам выжить. Хрущев. Кастро. Кеннеди.

⁷ Бивор Э. Гражданская война в Испании. 1936–1939. М., 2019. С. 12.

Холодная война: краткий курс

Мир «холодной войны», пришедший на Землю после Второй мировой войны, был биполярным.

Страны, игравшие ведущую роль в определении судеб планеты до войны, были либо разгромлены, как Германия, Япония и Италия, либо заметно ослаблены, как Великобритания и Франция.

Два государства, впервые становившиеся сверхдержавами – Советский Союз и Соединенные Штаты – определяли формирование системы международных отношений, получившей название Ялтинско-Потсдамской.

И оба ставили перед собой амбициозные исторические и геополитические задачи.

СССР стал после Великой Отечественной военной сверхдержавой. Он смог создать мощнейшую производственную, научную и опытно-конструкторскую базу, которая легла в основу нашего военно-промышленного комплекса. Советский Союз обладал большим моральным авторитетом. В те годы все знали, кому человечество обязано в первую очередь своим избавлением от коричневой чумы. И Москва создавала пояс безопасности из дружественных государств на западе и востоке от своих границ.

В результате Второй мировой войны Соединенные Штаты – до этого экономический гигант со слабой армией, предпочитавший изоляционизм и невмешательство в дела остального, «порочного» мира – также превратились в сверхдержаву (по всем силовым параметрам) – с интересами практически в любой точке земного шара и претензиями на мировое доминирование. Страна, где проживало 7 % населения мира, производила после войны 42 % промышленных товаров планеты, 43 % электричества, 57 % стали, 62 % нефти и 80 % автомобилей⁸. Америке все были должны. США стали крупнейшим экспортером в мире, они владели уже половиной всех морских судов на планете.

США обрели способность демонстрировать силу в любом районе планеты, к которому можно было подступиться с моря, благодаря своим авианосным ударным соединениям и морской пехоте. Еще более впечатляющим было американское превосходство в воздухе – в стратегической авиации⁹. И, конечно, ядерный арсенал.

Все это порождало уверенность во всемогуществе США, превращении XX века в американский.

Новые огромные возможности подводили Вашингтон к идее глобального лидерства как необходимого и сильного условия поддержания международной стабильности. Известные российские американисты Владимир Олегович Печатнов и Александр Серафимович Манькин замечали: «Новое убеждение, вынесенное военно-политической элитой страны из суммарного опыта обеих мировых войн, состояло в том, что без лидерства и опеки США Старый Свет вновь станет жертвой своих периодических безумств, а спасти его от них опять придется Америке. Традиционное для заокеанской республики мессианство с его уверенностью в универсальности американских принципов и благодати американской мощи теперь впервые опиралось на самый мощный в мире военно-экономический потенциал»¹⁰.

Но для оправдания такой глобальной стратегии, обеспечения ей государственной и общественной поддержки не хватало одного – врага. Не успело Знамя Победы взвиться над Рейхстагом, как эта роль в закрытых американских военно-политических оценках стала отдаваться

⁸ Гринспэн А., Вулдридж А. Капитализм в Америке. История. М., 2020. С. 313.

⁹ Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург, 2018. С. 537–539.

¹⁰ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2018. С. 292.

Советскому Союзу, хотя бы потому, что только он располагал набором характеристик, приписываемых глобальному конкуренту: положением в центре Евразии, военной мощью, неприемлемыми для США идеологией и общественным строем.

Идеи американской исключительности приобрели однозначно явную антисоветскую окраску. Против врага применимо все. Планы ядерной войны против Советского Союза, которые чуть не уничтожили человечество в 1962 году, начали разрабатываться на семнадцать лет раньше.

Еще осенью 1945 года в американском Объединенном комитете начальников штабов (ОКНШ) была подготовлена «Стратегическая концепция разгрома России» и первый конкретный план войны, получивший название «Тоталити». Он предусматривал ядерные бомбардировки 20 крупнейших городов Советского Союза, включая Москву, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов¹¹.

Концептуальным фундаментом новой глобальной политики США стала доктрина «сдерживания» коммунизма, контуры которой были заложены в феврале 1946 года в «длинной телеграмме» временного поверенного посольства США в Москве Джорджа Кеннана. Именно он создал тот демонический образ Советского Союза, который оказался столь востребованным в администрации США: от природы враждебная Западу сила, движимая идеями экспансии и нуждающаяся во внешних врагах для спасения своей тоталитарной системы. Руководство СССР воспринимает только логику силы, и поэтому сдерживать эту страну должна преобладающая сила Запада.

Сам термин «сдерживание» в переводе, сделанном для советского руководства, звучал как стратегия «удушения» Советского Союза¹². Ведущий американский журналист Уолтер Липпман выступил с серией статей, собранных в книгу под названием «Холодная война». Так появилось это понятие¹³.

Обострение ситуации вокруг Турции после советского предложения Анкаре о «совместной обороне» проливов, встретившего решительный отказ, стало поводом для разработки в Вашингтоне плана региональной войны «Гридли», предусматривавшего бомбардировки Советского Союза с турецкой территории с использованием ядерного оружия¹⁴. В Турцию была направлена военно-морская армада, создавалось Средиземноморское командование американских ВМФ, закреплявшее постоянное американское военное присутствие на наших южных рубежах.

Соединенные Штаты наращивали также сеть аэродромов, с которых было удобно наносить удары по советской территории силами стратегической авиации, глобальную инфраструктуру военных баз. Шли интенсивные поиски союзников для сдерживания СССР по всему миру. В самой Америке заработала Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, занявшаяся очисткой госструктур от заподозренных в просоветских симпатиях.

18 марта 1947 года была озвучена доктрина Трумэна, в соответствии с которой выделялась финансовая и военная помощь Греции и Турции, над которыми якобы нависла советская военная угроза. Главной целью американской политики становилась «защита свободы и демократии», в том числе в странах Восточной Европы, «оккупированных» Советским Союзом.

Американцы начинали активно использовать то, чего не было не только у Советского Союза, но и у разоренных Европы или Азии. Деньги. 5 июня 1947 года госсекретарь Джордж Маршалл, выступая на выпускной церемонии в Гарварде, предложил кредитовать Европу.

¹¹ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2018. С. 299–301; История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. 1945–1965 годы. М., 2014. С. 36.

¹² Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001. С. 60–61.

¹³ Lippmann W. The Cold War. A Study in US Foreign Policy. L., 1947.

¹⁴ Очерки истории МИД России. Т. 2. М., 2002. С. 336.

Появился «план Маршалла», пристегнувший разоренную Западную Европу к американской колеснице.

26 июля 1947 года Трумэн придал законченность набору американских инструментов «холодной войны», подписав Закон о национальной безопасности. Создавалось Министерство обороны, объединившее все виды вооруженных сил, Совет национальной безопасности (СНБ) как орган для принятия решений по внешней и оборонной политике и Центральное разведывательное управление (ЦРУ), приступившее к тайным операциям за границей. В законе, как напишет глава ЦРУ Аллен Даллес, «конечно, есть секретные приложения, и они позволяют Совету национальной безопасности, а в конечном счете и президенту ставить перед управлением и другие разведывательные задачи, кроме оговоренных в законе»¹⁵.

В условиях прекращения прямого диалога СССР и Запада в поисках симметричного ответа в Москве прежде всего занялись укреплением системы своих альянсов. С середины 1947 года СССР приступил к советизации государств Восточной Европы. В сентябре компартии Восточной Европы, Франции и Италии организовали Коминформ, «объединяющий орган, чтобы осуществлять постоянный обмен взглядами, и когда необходимо, координировать деятельность коммунистических партий».

А вскоре Берлинский кризис открыл серию прямых конфронтационных схваток Советского Союза и Запада. После того, как 7 июня Великобритания, США, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург заявили о намерении создать в нарушение ялтинских и потсдамских договоренностей в западных оккупационных зонах федеративное германское государство и ввести в нем и в Западном Берлине собственную валюту, Советский Союз объявил о закрытии железнодорожных, шоссейных, водных путей, связывавших Берлин с Западом. Запад воспринял это как агрессию. Блокада длилась 322 дня. Западные страны организовали сообщение с Берлином по воздушному мосту: самолеты взлетали и садились каждые две минуты. В берлинском кризисе Советский Союз на Западе был представлен стороной, провоцирующей напряженность, а жесткая линия Трумэна в глазах общественного мнения Запада получила дополнительное обоснование.

Вашингтон активизировал ядерное планирование. В плане «Сиззл» («Шипение»), разработанном к концу 1948 года, предусматривалось применение 133 ядерных бомб для ударов по 70 городам СССР (8 бомб предполагалось сбросить на Москву и 7 – на Ленинград). Почему планы ядерных бомбардировок так и не были претворены в жизнь?

Американцы располагали недостаточно большим ядерным арсеналом. На середину 1946 года США имели на руках 9 атомных бомб, годом позже – 13, а в 1948-м – 56¹⁶. И отсутствовала уверенность, что атомная атака в принципе способна привести к «капитуляции, уничтожению корней коммунизма или критическому ослаблению способности советского руководства контролировать свой народ». Кроме того, существовало обоснованное опасение, что ответом на удар по Советскому Союзу может явиться победоносный марш Советской Армии из Центральной Европы к Ла-Маншу¹⁷. Да и общественное мнение на Западе еще не созрело до того, что поддерживать идею уничтожения страны, только что принесшей свободу всему человечеству.

Символом военно-политического единства Запада и растущего долгосрочного вовлечения США в европейские дела стало образование в 1949 году Организации Североатлантического договора (НАТО). Военные блоки, направленные, так или иначе, против СССР, были созданы и в других регионах земного шара: пакт Рио-де-Жанейро, АНЗЮС. Расширились сети

¹⁵ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 16–17.

¹⁶ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997. С. 302.

¹⁷ История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. 1945–1965 годы. М., 2014. С. 37; Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 563–564.

двусторонних военных соглашений США с различными странами, финансово-экономической системы (МВФ, МБРР, ГАТТ, ОЭСР), в которой тоже доминировали Соединенные Штаты.

Создание НАТО ускорило закрепление «советского блока». В январе 1949 года в Москве представители СССР, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии заявили о создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

В сентябре 1949 года парламентскими выборами завершилось формирование Федеративной Республики Германии. В ответ Москва приняла решение ввести в действие конституцию ГДР и создать в Берлине ее временное правительство. Разделение Германии стало реальностью.

Стратегические позиции Москвы стали более прочными после того, как в августе 1949 г. Советский Союз провел испытание собственного ядерного оружия. Президент США был неприятно удивлен и первое, что сделал, уволил директора ЦРУ Г. Хилленкойтера, который предсказывал советскую бомбу не раньше 1953 года.

Сразу же начался новый раунд военного планирования, не оставшийся незамеченным советской разведкой. К началу 1950 года ОКНШ подготовил план «Дропшот», предусматривавший уничтожение СССР в четыре этапа. Первый – шестимесячная бомбардировка 200 советских городов с использованием 300 атомных бомб и обычных средств с уничтожением 85 процентов экономического потенциала и основной части вооруженных сил. Второй – развертывание 160 дивизий США и их союзников для наступления в Восточную Европу и СССР. Третий – разгром советских сухопутных сил. Четвертый – ликвидация режима и оккупация Советского Союза. Правда, в середине 1950 года план был скорректирован (план «Шейкдаун») и предусматривал нанесение ударов «лишь» по 104 городам с применением 220 ядерных бомб¹⁸.

«Холодная война» быстро перекинулась и на Дальний Восток, где Москва создавала западным державам максимально возможный набор проблем в их колониях и зонах особых интересов – в Индонезии, Вьетнаме, Малайе, Бирме. Но, конечно, главный контрудар наносился в Китае.

Китайская революция с советской помощью в 1949 году одержала победу. Гоминьдановцы во главе с Чан Кайши эвакуировались на Тайвань. Появилось «два Китая». США сочли законным правительство Гоминьдана, которое и было представлено в ООН. Москва, напротив, признала Китайскую Народную Республику в первый же день ее существования и разорвала отношения с правительством Гоминьдана. После подписания в 1950 году советско-китайского договора США предстояло иметь дело с двумя огромными странами, связанными взаимными гарантиями безопасности¹⁹. С Мао также была достигнута договоренность и о совместной помощи вьетнамской армии Хо Ши Мина, который в конце Второй мировой войны оказался во главе временного революционного правительства, боровшегося как с японцами, так и французами.

Первым серьезным испытанием советско-китайского партнерства стала война на Корейском полуострове. В Корею на север на завершающем этапе Второй мировой войны вошли советские войска, а на юг – американские, что привело к разделению страны на две части. Сталин был заинтересован в том, чтобы втянуть Вашингтон в войну на Дальнем Востоке.

Москва дала «добро» на наступление северокорейской армии на Сеул, что привело к американской интервенции и китайскому ответу. Всего Пекин выставит на поле боя за всё время войны более 3 миллионов солдат, США – больше миллиона. Наземные и морские операции китайской и корейской армий прикрывал специально сформированный 64-й истребительный авиакорпус советских ВВС, в военных действиях принимало участие до 15 авиадивизий.

¹⁸ История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. 1945–1965 годы. М., 2014. С. 37–38.

¹⁹ Панцов А. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 520–527.

Советскими летчиками были сбиты 1097 самолетов противника при потере 319 собственных боевых машин²⁰.

Война в Корее показала примерное равенство сил двух крупнейших сверхдержав – СССР и США. При этом Сталин сделал вывод о том, что «американцы не умеют воевать»²¹. В Вашингтоне же война была использована для постановки задачи достижения «абсолютного военно-стратегического превосходства над СССР»²². Подготовленный в 1950 году доклад СНБ-68 ставил целью создание стабильной международной системы, которая бы обеспечивала преобладающие позиции США и исключала подъем альтернативного центра силы в мире. Именно эта идея легла в основу всего доктринального мышления в Соединенных Штатах²³.

В начале 1950-х годов в США началась антикоммунистическая истерия. Пошли шпионские скандалы.

23 сентября 1950 года был принят Закон о внутренней безопасности. Теперь граждане, занимавшиеся «подрывной деятельностью», подлежали тюремному заключению по политическим мотивам, коммунистические и сочувствующие им организации должны были регистрироваться в Совете по контролю за подрывной деятельностью, а университеты, колледжи и школы были очищены от сотен преподавателей, подозреваемых в левых взглядах²⁴. Всего через различные процедуры проверки лояльности предстояло пройти 10 миллионам человек. Из библиотек изъяли около 30 тысяч наименований «подозрительных» книг.

Большое значение придавалось экономическим и торговым санкциям для создания как можно более серьезных трудностей в экономике союзных СССР стран и ослабления их промышленного и оборонного потенциала. ЦРУ и Департамент информационных исследований британского МИДа, проявив большую изобретательность, создавали антикоммунистические и антисоветские профсоюзы, либеральные и левацкие организации в Западной Европе. В Мюнхене заработало радио «Свободная Европа», издавались классические антисоветские труды, растиражированные в сотнях СМИ. В 1950 году появилась Европейская конвенция прав человека, формулировавшая новый набор идей, получивший название «европейские ценности», якобы традиционно присущие Старому Свету – демократия, свобода слова и права человека²⁵.

Турция и Греция были приняты в НАТО в апреле 1952 года. В Великобритании пост премьера вновь занял Уинстон Черчилль, реализовавший мечту английского руководства: Британия испытала собственную ядерную бомбу.

В начале 1953 года произошла смена эпох.

В январе на пост президента США впервые за двадцать лет вступил президент от республиканской партии – Дуайт Эйзенхауэр, генерал, командовавший объединенными англо-американскими силами во Второй мировой, а затем и вооруженными силами НАТО.

А 5 марта в Москве на ближней даче в Волынском скончался Сталин, определявший политику Советского Союза на протяжении трех десятилетий. На первый план в советском руководстве начал выдвигаться человек, от слов и поступков которого будет зависеть судьба планеты Земля в октябре 1962 года – Никита Сергеевич Хрущев.

²⁰ Торкунов А., Денисов В., Ли В. Корейский полуостров. М., 2008. С. 82–84, 127–130, 177.

²¹ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 77–79.

²² Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 132.

²³ NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950.

²⁴ Вейнер Т. ФБР. Правдивая история. М., 2014. С. 184–186, 189–190.

²⁵ Lukas S. Freedom's War. The American Crusade Against the Soviet Union. Manchester, 1999. P. 81; Berghahn V. America and the Intellectual Cold Wars in Europe. Princeton-Oxford, 2001. P. 108-151; Moyn S. The Last Utopia. Human Rights in History. Cambridge-L., 2010. P. 78–79.

Глава 1

Хрущев

Становление

Если Эйзенхауэру тогда не надо было доказывать свое право на первенство на американском политическом Олимпе – это было определено выборами, – то Хрущеву еще только предстояло свое первенство завоевать и отстоять.

Отношение к его фигуре в нашей стране и в остальном мире весьма неоднозначно. Что вполне оправдано: Хрущев и был человеком крайне неоднозначным.

Известный писатель Андрей Битов лепил такой образ: «С этого начинается портрет Хрущева: самый лысый и самый смелый» (что неплохо звучит по-английски).

То есть портрет его и начинается с портрета: лысый, круглый, нос картошкой, оттопыренные уши, живот и косоворотка. Над ним смеялись, никто не заметил, что смех этот уже был свободой. Что это был отдых от того портрета. Смелость же скрылась за внешностью. Он за нею прятался еще при Сталине. Косоворотка, живот... это все для того гопака и арбуза, которыми он усатого развлекал. Он надолго запомнил свое унижение: он усвоил сталинский урок.

Природа помогла ему, создав его лицо. Она слепила его наспех, из катышков теста. Так детям дают слепить пирожок из остатков от настоящего пирога. И Никите пришлось учиться всему. Когда говорят о его недостаточной образованности, забывают, сколь многому он научился. Получив от природы то, что он получил: самое открытое, самое непосредственное, можно сказать, глупое лицо, – он закрыл на него, как на замок, свое сокровище: не только смелость, но и гордость, но и силу, но и волю, но и ум. То есть стал цельным человеком. Характером. Большие политики как раз и делаются из цельных людей»²⁶.

Федор Михайлович Бурлацкий, работавший в аппарате ЦК и имевший возможность наблюдать Хрущева, так запомнил его внешность: «Его огромный лоб, как будто бы специально освобожденный от волос по обе стороны от висков, его большой, внушительный нос, его толстые губы, его раздвоенный подбородок, наконец, руки, которые он любил держать на столе, поигрывая переплетенными пальцами, – словом, вся его большая и массивная фигура с первого взгляда внушала доверие и симпатию...»

В ту пору ему, наверное, минуло лет шестьдесят, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства веселым. Чуть что, он всхохатывал во весь свой огромный рот с выдвинутыми вперед и плохо расставленными зубами, частью своими, а частью металлическими.

Его широкое лицо с двумя бородавками и огромный лысый череп, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни или подмосковному работяге, который пробирается мимо очереди к стойке с вином. Это впечатление, так сказать, простонародности особенно усиливалось плотной полной фигурой и казавшимися непомерно длинными руками, потому что он почти непрерывно жестикулировал. И только глазки, маленькие глазки, то насыщенные юмором, то гневные, излучавшие то доброту, то властность, – только, повторяю, эти глазки выдавали в нем человека сугубо политического, прошедшего огонь, воду и медные трубы и способного к самым крутым поворотам, будь то в беседе, в официальном выступлении или в государственных решениях»²⁷.

²⁶ Битов А. Самый лысый и смелый. The Baldest and Boldest // Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 15.

²⁷ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 13, 17–18.

У современников и соратников Хрущев вызывал разные чувства. Анастас Иванович Микоян, старый большевик, соратник Ленина и член Президиума ЦК КПСС (так тогда называлось Политбюро) относился к Хрущеву с симпатией: «Это был настоящий самородок, который можно сравнить с неотесанным, необработанным алмазом. При своем весьма ограниченном образовании он быстро схватывал, быстро учился. У него был характер лидера: настойчивость, упрямство в достижении цели, мужество и готовность идти против сложившихся стереотипов... Был склонен к крайностям. Очень увлекался, перебарщивал в какой-то идее, проявлял упрямство и в своих ошибочных решениях или капризах. К тому же навязывал их всему ЦК после того, как выдвинул своих людей, делая ошибочные решения как бы “коллективными”. Увлекаясь новой идеей, он не знал меры, никого не хотел слушать и шел вперед, как танк»²⁸.

Вячеслав Михайлович Молотов, еще более старый большевик и еще более давний соратник Ленина, мой дед, относился к Хрущеву резко негативно. Мои детские воспоминания о времени Хрущева: семья, во главе с дедом сидящая перед телевизором и потешающаяся над его очередной нескончаемой речью «кукурузника». Да и потом оценки дедом Хрущева я слышал неоднократно. Молотов считал его человеком не без способностей, «бывалым» руководителем, хорошим тактиком. Но он не считал Хрущева коммунистом. И не жалел эпитетов в его адрес. «Хрущев – недоразумение для партии». «Хрущевщина – буржуазный дух». «Саврас без узды», за которым бежали маленькие савраски. «Не по Сеньке шапка»²⁹.

Столь же полярны оценки современных биографов Хрущева. В работах более либеральных авторов он проходит скорее со знаком плюс. Леонид Млечин, историк и публицист, о Хрущеве высокого мнения: «Оставшийся в памяти необузданным бузотером, нелепо выглядывший, он был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей, непредсказуемый и неуправляемый, невероятный хитрец, но при этом живой и открытый. Он был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым, революционным идеям и готовностью ни с кем и ни с чем не считаясь немедленно воплощать их в жизнь»³⁰.

Но и у либералов, как у Геннадия Васильевича Костырченко, много претензий к Хрущеву за недостаточность его реформаторских усилий: он оказался заложником «застойной» позиции – «ни сталинизма, ни демократии». Не устраивает Хрущев эстетически, вызывает вопросы его характер, «зиждившийся на антиинтеллектуализме этой личности, бравировавшей своим сермяжно-пролетарским демократизмом и грубоватым “колхозным” юмором»³¹.

Историк Евгений Юрьевич Спицин – государственник – совсем другого мнения: «На наш же взгляд, который теперь, к счастью, разделяют многие мои коллеги, именно хрущевская “слякоть” и ее вдохновитель заложили базовые основы разрушения и гибели нашей великой державы и советского общественного строя в эпоху преступной горбачевской перестройки, где главной, в том числе идеологической, силой стали все недобитые “шестидесятники” во главе с двумя архитекторами этой перестройки – иудами М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым»³².

Того же мнения Елена Анатольевна Прудникова: «Именно при Хрущеве было положено начало тем процессам – экономическим, политическим, культурным, – которые привели нашу страну в ту глубочайшую... хм! – в общем, в то самое место, где она оказалась к концу столетия»³³.

²⁸ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 645.

²⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 347.

³⁰ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 7.

³¹ Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 440, 441.

³² Спицын Е. Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах. М., 2021. С. 574.

³³ Прудникова Е. А. Хрущев. Творцы террора. М., 2007. С. 313.

А беглый разведчик и плодовитый псевдоисторик Виктор Суворов (Резун) пошел еще дальше и суммировал его образ словами: «Один из самых страшных палачей во всей тысячелетней истории России»³⁴.

Из всех основных участников драматических событий октября 1962 года Хрущев имел наиболее народное происхождение. Он вообще едва ли не единственный крестьянский сын, возглавивший великую державу (у Сталина отец был сапожником, а мать швеей).

Предками Хрущева, судя по изысканиям курских архивистов, были крепостные помещицы тайной советницы Елизаветы Федоровны Левшиной³⁵.

Сам Никита Хрущев появился на свет 15 апреля 1894 года в селе Калиновка. Он вполне годился и Джону Кеннеди, и Фиделю Кастро в отцы. Его родители – Сергей Никанорович и Ксения (Аксинья) Ивановна – были малоимущими крестьянами, как и крестные отец и мать, окрестившие маленького Никиту в Архангельской церкви³⁶.

Будущий советский лидер вспоминал: «В нашей деревне Калиновка Курской губернии хозяйства были небольшими, скорее маленькими. У крестьян не было техники, только соха и плужок. Правда, соха встречалась уже редко». В 1906 году в Калиновке открылась земская школа, куда и отправился учиться маленький подпасок Хрущев.

В Калиновке Никита прожил до четырнадцати лет. «В 1908 году отец и мать нанялись в богатое имение помещика Васильченко. Я уже был подростком, мне исполнилось четырнадцать лет, и я там работал на пахоте погонщиком волов. Труд для моего возраста был тяжелым, надо было поднимать ярмо, запрягая волов в плуг. Это входило в обязанность погонщика. А не плугаря»³⁷.

Вскоре семья переехала в Юзовку – современный Донецк. Сергей Никанорович работал там в шахте. Никита сам начал осваивать рабочие профессии. Стал учеником на заводе – у него появилась «мечта научиться слесарному делу».

Его наставником в профессии стал слесарь-еврей Яков Кутиков с фабрики Инженерной компании Боссе и Генфельда, которая располагалась недалеко от шахт, в старом городе – темном районе с узкими, мощенными булыжником улочками. Эта немецкая компания занималась ремонтом сложного шахтного оборудования. «Немного поучившись, получил удостоверение и инструменты и начал ходить по цехам, чинить оборудование».

Проснулся интерес к политике, он начал читать социалистические издания. В 1912 году собирал пожертвования в помощь семьям жертв Ленского расстрела, что стало известно полиции и администрации фабрики. Хрущева уволили. Он устроился слесарем по ремонту оборудования на шахту № 31. Здесь, как рассказывал сам Хрущев, он распространял социал-демократические газеты и организовывал группы по изучению марксизма.

В 1914 году перешел на машиноремонтный завод, обслуживавший десять шахт, что помогло расширить круг знакомств. «Шахтеры считали, что я хорошо говорю, и просили меня выступать от имени всех перед хозяином, когда хотели что-то от него получить, – рассказывал Хрущев. – Меня часто отправляли к хозяину с ультиматумами, потому что считали, что у меня для этого хватит смелости».

Шла Первая мировая война, но «в армию его не призвали, как шахтера или высококвалифицированного рабочего».

В 1914 году Никита Хрущев женился – на красивой, рыжеволосой Ефросинье Ивановне Писаревой. Через год у них родилась дочь Юлия, а через три дня после Октябрьской революции 1917 года – сын Леонид.

³⁴ Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 32.

³⁵ Ласочко Л. Откуда идет род Хрущевых // Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 13.

³⁶ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 36.

³⁷ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 22.

Вместе с квалификацией пришел и достаток. Много лет спустя Хрущев рассказывал зятю, что до революции зарабатывал в месяц тридцать рублей – в два-три раза больше, чем средний рабочий.

Никита Сергеевич не собирался становиться революционером, его мечтой была профессия горного инженера. Но революция поменяла планы. Большевистскими идеями его впервые увлек работавший в Юзовке Лазарь Моисеевич Каганович, которого Хрущев услышал на митинге еще в первые дни Февральской революции.

Но когда началась Гражданская война, когда обрушился голод, Никита вернулся в Калиновку. Там он заявил о себе, вступив в местный комитет бедноты (комбед), занимавшийся изъятием излишков продовольствия у более состоятельных односельчан³⁸.

В конце 1918-го или начале 1919 года Хрущев был мобилизован в Красную Армию. Воевал в составе 9-й армии, которая противостояла сначала Донской армии генерала Краснова, участвовала в наступлении Южного фронта на Борисоглебск, подавляла Вешенское восстание, вела оборонительные бои с войсками Деникина на Донбассе, а затем наступала в Ростово-Новочеркасской и Северо-Кавказской операциях. Война была жесточайшая, кровь лилась рекой. Армия прошла с боями около тысячи километров, а Хрущев, вступивший в партию в 1918 году, проделал путь от рядового бойца до политкомиссара батальона, а затем и инструктора политотдела армии. «Уже в ту пору Хрущев знал Ворошилова и Буденного. Чаше других он вспоминал комиссара Фурманова»³⁹, – напишет Алексей Аджубей, зять Хрущева.

В 1919 году Хрущев приехал в Калиновку навестить жену и детей, которые жили у его родителей. Но супругу Евфросинью увидел в гробу: она умерла от тифа⁴⁰. Сразу после похорон Хрущев вернулся на фронт, оставив двухлетнюю Юлию и восьмимесячного Леонида на попечение родителей.

Хрущев мало рассказывал о своей военной службе в Гражданскую. Хотя мог и поведать о боевых подвигах: «Мы перешли в наступление. Шли под вражеским огнем... Загнали белогвардейских бандитов в море». Однако сам Хрущев не столько сражался на передовой, сколько занимался инженерными работами, пару месяцев провел на курсах подготовки политинструкторов, и большинство его рассказов о войне связаны с борьбой против темноты и бескультурья⁴¹.

После окончания Гражданской войны Хрущев вернулся в 1922 году в Юзовку, и «по партийной мобилизации выезжал в село, на проведение посевной кампании... Вся наша работа заключалась в том, что мы собирали крестьян и призывали их сеять хорошо и вовремя, а еще лучше – провести сверххранний сев. То, что мы говорили, сами очень плохо понимали. Речь моя была довольно примитивной, как и речи других товарищей. Я ведь никогда по-настоящему не занимался сельским хозяйством, и все мои познания основывались на том, что я видел в детстве у своего дедушки в Курской губернии. В том же 1922 году я пошел учиться на рабфак, проучился три года. Секретарем уездного комитета партии у нас был Завенягин»⁴².

В Юзовку к Никите Сергеевичу перебрались родители с Юлией и Леонидом⁴³. В 1922 году Хрущев женился во второй раз. Брак был недолгим, он не любил о нем вспоминать. Известно только имя жены – Маруся.

Зато третий брак оказался прочным. Подругой жизни стала Нина Петровна Кухарчук. Родилась она в 1900 году в селе Василев Потуржанской гмины (волости) Томашевского уезда

³⁸ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 57, 59, 68; Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 18, 19.

³⁹ Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. С. 69.

⁴⁰ Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. С. 44.

⁴¹ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 70.

⁴² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 23–24.

⁴³ Кухарчук (Хрущева) Н. П. Моим детям и внукам // Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 17.

Холмской губернии в бывшем Царстве Польском в достаточно обеспеченной семье. Три года она проучилась в сельской школе, год в Люблинской гимназии, а затем в Холмской гимназии.

Когда началась Первая мировая война, Нина продолжала еще четыре года учиться в холмском Мариинском женском училище, которое, правда эвакуировали в Одессу. Закончила его в 1919 году, какое-то время трудилась в канцелярии училища. В начале 1920 года в подполье вступила в партию большевиков, затем попала на польский фронт – как агитатор, знающий украинский язык и местные условия. А когда создавался ЦК компартии Западной Украины, ее назначили завотделом по работе среди женщин.

Затем – поездка в Москву и поступление на восьмимесячные курсы в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. По окончании Нину направили в Бахмут (ныне – Артемовск) на Донбассе – преподавать историю революционного движения и политэкономии в губернской партшколе. А осенью 1922 года – в Юзовку, в окружную партийную школу. Там она и встретила с Никитой Хрущевым.

Нина Петровна была спокойной женщиной с твердым характером. Она родила троих детей – Раду, Сергея и Елену.

По партийной линии Хрущева повел Каганович, который и рекомендовал его секретарю Юзовского уездного комитета партии Авраамии Павловичу Завенягину, который при Хрущеве станет заместителем председателя советского правительства⁴⁴.

«После окончания рабфака в 1925 году мне не дали возможности поступить в высшее учебное заведение, – жаловался Хрущев. – Я хотел учиться, получить специальность. Имея склонность к инженерным вопросам, я мечтал поступить на факультет машиностроения. Как слесарь, я любил свою техническую профессию, любил машины, но в Юзовке мне сказали:

– Нет! Надо идти на партийную работу, потому что это сейчас главное.

Так я стал секретарем партийного комитета в Петрово-Марьинском уезде, смешанном по профилю».

В апреле 1925 года Хрущева избрали делегатом с совещательным голосом на XIV партийную конференцию. «Это для меня было большой радостью. Главное – возможность побывать в Москве, посмотреть столицу, побывать на всесоюзной конференции, послушать и увидеть вождей... Я рано вставал и пешком шел в Кремль, чтобы прийти раньше других делегатов и занять... первые места перед трибуной. Поэтому надо было вставать пораньше и бежать туда без завтрака»⁴⁵.

В конце 1926 года Хрущева перевели на работу в юзовский окружной комитет партии, где он заведовал организационным отделом. А Нину Петровну отправили на повышение квалификации в Москву – в Коммунистическую академию имени Крупской. После чего она работала в Киевской межокружной партшколе преподавателем политической экономии⁴⁶.

В 1928 году Хрущева перевели на работу в Харьков, где тогда располагались правительство и Центральный Комитет компартии Украины, на должность заместителя заведующего орготделом ЦК. Заведовал отделом Николай Нестерович Демченко. Секретарем ЦК был Каганович.

Но и в Харькове Хрущев долго не задержался. «Однажды Каганович мне позвонил и говорит: "...Состоялось решение, что в Киев едет секретарем окружного комитета товарищ Демченко, а Демченко просит, чтобы вас отпустили с ним заведовать орготделом Киевского окружкома..."»

⁴⁴ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 20–21.

⁴⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 23–24, 25–26.

⁴⁶ Кухарчук (Хрущева) Н. П. Моим детям и внукам. // Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 17.

Мне работалось там хорошо и легко. Киевляне ко мне относились с большим доверием, и я бы сказал, с уважением. Имелись и трудности, было много безработных, чего в Донбассе мы не встречали»⁴⁷.

Но в том же 1928 году Сталин вернул Кагановича в Москву секретарем ЦК, а затем сделал первым секретарем Московского обкома и горкома партии. Вслед за ним потянулся и Хрущев, который тогда воспринимался как человек Кагановича⁴⁸. Его мечтой было поступить в Промышленную академию.

«Я уехал в Москву. Там тоже встретил трудности, потому что у меня не было достаточного руководящего хозяйственного стажа... Пришлось мне побеспокоить Лазаря Моисеевича Кагановича (он был секретарем ЦК) и попросить, чтобы ЦК поддержал меня. Я добился своего: меня поддержал Каганович, и таким образом я стал слушателем Промышленной академии».

Промышленная академия, где готовили кадры руководителей индустриализации для строек и объектов первой и последующих пятилеток, считалась престижным учебным заведением. Она находилась в ведении Совнаркома, который тогда возглавлял Алексей Иванович Рыков. Хрущев появился в Промакадемии, когда сталинцы схлестнулись с бухаринцами, «правыми», одним из лидеров которых и был Рыков.

«В этой борьбе моя роль резко выделялась в том коллективе, и все это было на виду у Центрального Комитета, – вспоминал Хрущев. – Поэтому всплыла и моя фамилия как активного члена партии, который возглавляет группу коммунистов и ведет борьбу с углановцами, рыковцами, троцкистами в Промышленной академии... Через эту мою деятельность в Промакадемии меня, видимо, и узнал Сталин. Сталину, конечно, импонировало, что наша партийная организация поддерживает его. Я и сейчас считаю, что поддержка линии, выразителем которой в то время являлся Сталин, была правильной»⁴⁹.

Бухаринцы потерпели поражение, в конце 1930 года главой правительства стал Молотов. А Хрущева в ЦК заметили – и не только потому, что его воспринимали как человека Кагановича. По словам историка Юрия Николаевича Жукова, «счастливым лотерейным билетом» для Хрущева стало знакомство в Промышленной академии с учившейся там Надеждой Аллилуевой, которой понравился улыбчивый рубаха-парень⁵⁰. Аллилуева – супруга Сталина. И она поведала мужу об активном секретаре своей парторганизации.

В 1930 году группа из 6–7 первых выпускников Промакадемии во главе с секретарем парткома Хрущевым была принята Сталиным⁵¹. Они познакомились лично. «С этого момента начинается стремительный взлет Хрущева»⁵².

В январе 1931 года он стал первым секретарем Бауманского райкома партии, а затем Краснопресненского. Через год Хрущев стал вторым секретарем столичного горкома, где работал Каганович.

Микоян наблюдал за стремительным восхождением: «Хрущев ведь сделал карьеру в Москве за два-три года. Почему? Потому что всех пересадили. Ему помогла выдвинуться Аллилуева – она его знала по Промакадемии, где он активно боролся с оппозицией. Вот тут он и стал секретарем райкома, горкома, попал в ЦК. Он шел по трупам»⁵³.

Каганович, занимая одновременно три важных поста – первый секретарь Московского горкома и обкома и первый заместитель Сталина в ЦК – управление Москвой с удовольствием переложил на плечи Хрущева. Благо Московский горком партии располагался на Старой пло-

⁴⁷ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 35, 38, 39.

⁴⁸ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 22.

⁴⁹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 39–40, 42, 45.

⁵⁰ Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 128.

⁵¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 52.

⁵² Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 32–33.

⁵³ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 663.

щади, там же, где и ЦК ВКП (б). Каганович выделял время лишь для крупных проектов, как строительство метро или Генеральный план развития столицы.

Никита Сергеевич же занимался всем городским хозяйством вместе с председателем исполкома Моссовета Николаем Александровичем Булганиным. Они и жили в одном доме, на одной лестничной площадке, дружили семьями. Сталин и приглашал их вместе, иронично называя «отцами города». Москву активно перестраивали. Взрывами снесли стену Китай-города, Сухареву башню, Иверские ворота, вырубил все деревья на Садовом кольце. В 1935 году Политбюро приняло решение о генеральном плане реконструкции Москвы⁵⁴.

Тогда же Хрущев сменил Кагановича на посту главы Московского обкома.

Хрущев проявил себя как верный сталинец. «Я всей душой был предан ЦК партии во главе со Сталиным и самому Сталину в первую очередь»⁵⁵, – напишет Хрущев в воспоминаниях.

Когда начались репрессии и показательные процессы, Хрущев был в первых рядах самых решительных борцов с «врагами народа». За три дня до окончания процесса над Зиновьевым и Каменевым в 1936 году он требовал для них смертной казни: «Всякий, кто радуется успехам нашей страны, достижениям нашей партии под руководством великого Сталина, найдет для продажных наймитов, фашистских псов из троцкистско-зиновьевской банды лишь одно слово: и это слово – “расстрел”».

После окончания процесса над троцкистами в 1937 году кульминационным пунктом их осуждения стал 200-тысячный митинг москвичей на Красной площади при 27-градусном морозе с ударным выступлением Хрущева: «Троцкистская клика – это банда шпионов и наемных убийц, диверсантов, агентов германского и японского фашизма. От этих троцкистских дегенератов исходит трупная вонь»⁵⁶.

30 июля вышел «оперативный приказ № 00447» НКВД о репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов, в соответствии с которым создавались республиканские, краевые и областные тройки в составе первых секретарей партии, наркомов внутренних дел, начальников краевых и областных управлений НКВД и местных прокуроров. Эти тройки уже получали право применять любые виды наказаний – вплоть до расстрелов. Для каждой республики и области утверждались предельные цифры по каждой категории.

Но многим руководителям установленные цифры показались слишком маленькими, они просили еще. Среди таких руководителей был и Хрущев, запросивший самые большие лимиты в стране – просил причислить во вверенной ему Московской области к первой категории (расстрел) 8500 человек, а ко второй (арест на длительный срок) – 32 805. Политбюро утвердило 5 тысяч в первую и 30 тысяч – во вторую⁵⁷.

Владимир Семичастный, который во время Карибского кризиса возглавлял КГБ, писал: «Во время сталинских репрессий Хрущеву не удалось сохранить свои руки “чистыми”. Хотя мы не раз говорили с ним о годах бесправия, он при этом никогда не останавливался на той роли, которую ему самому пришлось сыграть в те годы. Хрущев нигде и никогда не признавал своего участия в репрессиях. Но факты говорят о другом...»

К началу 1938 года были репрессированы почти все секретари МК и МГК ВКП (б), большинство секретарей райкомов и горкомов партии Москвы и Московской области, многие руководящие советские, профсоюзные и комсомольские работники, сотни руководителей предприятий, специалистов, деятелей науки и культуры. Естественно, не последнюю роль сыграли и

⁵⁴ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 24, 25.

⁵⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 55.

⁵⁶ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 117.

⁵⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД 1937–1938. М., 2004. С. 273–281.

указания Хрущева, и та атмосфера, которую он создавал тогда в Московской партийной организации»⁵⁸.

Хрущев стал кандидатом в члены Политбюро.

В конце января 1938 года Сталин поменял подвергшееся репрессиям руководство Украины. Первым секретарем ЦК КПУ (б) стал Никита Сергеевич Хрущев. Репрессии шли полным ходом. Выступая 8 июня на партийной конференции пограничных войск наркомата внутренних дел Украины, он сказал: «Товарищи, исключительная любовь в народе к НКВД. Это, товарищи, особенности нашего строя. Везде органы сыска и политического сыска ненавистны, к ним народ питает ненависть, а у нас – исключительную любовь»⁵⁹.

На XVIII съезде в марте 1939 года Хрущев стал полноправным членом Политбюро.

В сентябре 1939 года, когда после начала Второй мировой войны и вторжения гитлеровской Германии в Польшу советские войска выдвинулись в Западную Украину и Западную Белоруссию, Хрущев приложил всю свою энергию для скорейшей интеграции вновь присоединенных украинских земель в советскую систему.

В Киеве он близко познакомился с генералом армии Георгием Константиновичем Жуковым, который с 1940 года командовал войсками Киевского особого военного округа. И с комиссаром государственной безопасности 3 ранга Иваном Александровичем Серовым, который стал руководителем НКВД Украины. В те годы Хрущев обратил внимание и на инженера Леонида Ильича Брежнева, продвигал его вверх по партийной лестнице.

С 22 июня 1941 года Украина стала полем самых ожесточенных сражений Великой Отечественной войны. Оставаясь руководителем Украины, Хрущев стал членом Военного совета (представителем Ставки) ряда фронтов Юго-Западного стратегического направления. – Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Воронежского и 1-го Украинского. Критики считают его лично виновным «в двух самых страшных военных катастрофах во всей мировой военной истории: поражении советских войск на земле Украины летом и осенью 1941 года и Харьковской катастрофе мая 1942 года»⁶⁰. Почитатели, напротив, пишут о том, что причиной этих поражений стало нежелание Сталина прислушаться к предложениям Хрущева.

Но никто не оспаривает большую роль Хрущева в организации обороны Сталинграда. Он находился в переднем командном эшелоне за Мамаевым курганом, потом – на тракторном заводе. И принимал участие в планировании и осуществлении операции «Уран», которая привела к окружению нацистских войск.

12 февраля 1943 года Хрущеву было присвоено звание генерал-лейтенанта. В Киев он вернулся после битвы за Днепр в ноябре 1943 года. «Город производил жуткое впечатление, – вспоминал Хрущев. – Некогда такой большой, шумный, веселый южный город, и вдруг – никого нет! Просто слышали собственные шаги, когда шли по Крещатику. Потом мы повернули на улицу Ленина. В пустом городе отдавалось эхо... Постепенно стали появляться люди, возникали прямо как из-под земли. Мы поднимались с Крещатики в направлении Оперного театра... Вдруг слышим истерический крик. Бежит к нам молодой человек:

– Я единственный еврей в Киеве, который остался в живых»⁶¹.

Партийное руководство на Украине вновь перешло к Кагановичу, а Хрущев стал председателем Совнаркома Украинской ССР (с 1946 года – Совета министров). «Отношения Сталина и Хрущева были противоречивыми, – замечал работавший тогда в комсомольском руководстве Украины Владимир Семичастный. – Сам факт, что после войны Сталин заменил на Украине Хрущева Кагановичем, свидетельствует о его определенном недоверии. Однако скорое возвра-

⁵⁸ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 78–79.

⁵⁹ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 29.

⁶⁰ Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 33.

⁶¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 420.

щение смещенного на его прежнюю должность, не прерванное членство его в Политбюро ЦК партии доказывают, что конфликты между ними никогда не перерастали в открытую враждебность»⁶².

На Хрущева легло нелегкое бремя восстановления разрушенной и разоренной нацистами Украины. В 1947 году он вновь был избран Первым секретарем ЦК КПУ (б).

На Западной Украине продолжалось вооруженное сопротивление фашистских коллаборационистов, бандеровцев, теперь уже поддерживаемое из-за океана. Это были не только разрозненные отряды, но и такое крупное соединение, как Украинская повстанческая армия. О масштабах операций дает представление записка Кагановича, Хрущева и Абакумова от 28 октября 1947 года, в которой сообщалось, что только «за 9 месяцев 1947 года было захвачено живыми при боевых операциях и арестовано 13 107 и убито 3 391 бандитов. Из этого числа убито и арестовано 1 103 руководящих лиц ОУНовского подполья и банд. . . В проведении этой операции принимали участие свыше 40 000 чекистов, офицеров и солдат войск МГБ»⁶³.

Хрущев генерировал множество инициатив. В феврале 1948 года он внес предложение, поддержанное Сталиным: предоставить собраниям колхозников право высылки на 8 лет «из села за пределы Украинской ССР наиболее злостных и неисправимых преступников и паразитических элементов, на которых не оказывают необходимого влияния обычные меры воздействия и предупреждения». В июне Верховный Совет СССР распространил эти меры на всю страну. До 1953 года в Сибирь и Казахстан на спецпоселения было насильственно выселено с семьями 47 тысяч «паразитов». Другая инициатива Хрущева касалась организации лагерей и тюрем строгого режима для содержания особо опасных государственных преступников (шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп) и о направлении их по отбытии наказания в ссылку на поселения в отдаленные местности СССР под надзор органов МГБ. На основании соответствующей директивы Генпрокурора и министра госбезопасности было сослано больше 20 тысяч человек⁶⁴.

В 1949 году началось «ленинградское дело», которое выбило из высших эшелонов всю питерскую прослойку руководства во главе с Алексеем Александровичем Кузнецовым.

Осенью 1949 года едва не началось «московское дело»: ПБ создало комиссию для проверки деятельности секретаря ЦК, МК, МГК и председателя Моссовета Георгия Михайловича Попова. Ему инкриминировались зажим критики и самокритики, попытки подмять под себя союзные министерства, «азнайство и самодовольство». Попова отправили руководить министерством городского строительства. В столицу из Киева был вызван Никита Хрущев⁶⁵. В конце года он был вновь утвержден секретарем одновременно ЦК ВКП (б) и московской парторганизации⁶⁶.

В начале 1950-х годов Сталин постепенно стал оттеснять на второй план «старую гвардию» в лице Молотова, Микояна, Ворошилова, Кагановича, что усиливало позиции Маленкова, Берии, Булганина и открывало дорогу к вершинам власти Хрущеву.

Как секретарь ЦК Хрущев отвечал теперь за сельское хозяйство. 8 марта 1950 года он опубликовал в «Правде» статью с планом укрупнения колхозов, за которой 30 мая последовало соответствующее постановление. Меры по укрупнению колхозов были проведены быстро: за

⁶² Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 79.

⁶³ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 248.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1069. Л. 11; Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 250–256; В. П. Попов. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьянства) // Отечественные архивы. № 2. 1993. С. 34–36;

⁶⁵ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 322–325, 78.

⁶⁶ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 6–7; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2011. С. 240.

год их количество сократилось с 252 тысяч до 121 тысячи, а к концу 1952 года – до 94 тысяч. Еще больше сокращались индивидуальные наделы крестьян, снижалась натуральная оплата труда, которая давала крестьянам возможность продавать излишки продуктов на рынках.

Но вот попытка Хрущева продвинуть на всесоюзный уровень его планы – частично реализованные в Подмосковье – ликвидации мелких колхозов и подсобных хозяйств с массовым переселением крестьян в строящиеся промышленным способом «агрогорода» успехом тогда не увенчалась. Более того, пришлось каяться перед Сталиным за статью на эту тему⁶⁷. Хрущев еще получит возможность вернуться к своей затее, когда возглавит страну.

В дополнение к руководству Москвой в январе 1952 года Хрущеву поручили «наблюдение за работой ЦК КП (б) Украины».

На XIX съезде партии Хрущеву доверили сделать доклад по изменениям в Устав. При распределении ролей после съезда, ставшего для Сталина последним, Маленков оказался формально первым после него человеком в советском руководстве, Берия – вторым. Они вместе с Булганиным и Хрущевым составили четверку, которая отныне приглашалась Сталиным на Ближнюю дачу и на ночные ужины.

Был Хрущев у Сталина и в ночь на 1 марта 1953 г. Через 2 дня Сталина не стало – инсульт.

Хрущев председательствовал на совместном заседании всех высших государственных и партийных органов, на котором был сформирован новый состав власти, когда Сталин еще не испустил последнее дыхание. Маленков – глава правительства, Хрущев – секретарь ЦК партии, Берия – глава объединенных МГБ и МВД, Молотов – министр иностранных дел, Булганин – министр обороны.

⁶⁷ Отечественные архивы. № 1. 1994. С. 44.

Первый секретарь

Среди наследников Сталина не было противников десталинизации режима. «Пережив многочисленные унижения и страх за свою судьбу при жизни Сталина, все они отвергали саму возможность новой диктатуры сталинского типа, были заинтересованы в формировании нового баланса власти, основанного на относительном равноправии членов Политбюро»⁶⁸, – считает историк Политбюро Олег Витальевич Хлевнюк.

Теоретически на первую роль могли претендовать четверо – Маленков, Берия, Хрущев и Молотов.

Дмитрий Трофимович Шепилов, один из самых проникательных и информированных свидетелей эпохи, считал, что «по всенародному и всепартийному мнению, единственным достойным преемником И. Сталина был В. Молотов. Но Молотов сам не проявлял ни малейших намерений встать у руля государственного корабля... Это облегчило задачу Хрущева»⁶⁹.

Федор Бурлацкий задавался вопросом: «Почему опытный аппаратчик Маленков и хитроумный лис Берия решили включить в «тройку консулов» (по примеру Цезаря и Наполеона) Хрущева? Ответ для меня совершенно очевиден: они недооценили его. Напомню фразу, которую любил повторять Макиавелли: “Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком”. Хрущев притворился, – ну не то чтобы дураком, но достаточно простоватым человеком, деятелем на подхвате, не лидером»⁷⁰.

Но вскоре Хрущев решительно повел борьбу за первенство в стране.

Уже 14 марта 1953 года Пленум ЦК по его предложению освободил Маленкова от обязанностей секретаря ЦК, имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС. «Руководство Секретариатом ЦК КПСС и председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС возложить на секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева».

Затем настала очередь Берии, который был арестован в Кремле, а затем исключен как враг партии и советского народа из рядов КПСС и предан суду. «Одержав верх над Берией, Хрущев сразу вырвался вперед, обеспечивал себе приоритетное положение в партийной иерархии, – подтверждал Алексей Аджубей. – После расстрела Берии Хрущев даже внешне очень изменился, стал более уверенным, динамичным»⁷¹.

Хрущев прекрасно чувствовал механизмы властвования, настроения аппарата, который стал его главным козырем. Система номенклатуры – назначения на десятки тысяч ключевых позиций в государственном и партийном аппарате – оказалась теперь в руках Хрущева. Он быстро выдвигал на руководящие посты своих людей.

Шаг за шагом он максимизировал свои полномочия. На пленуме ЦК неожиданно и как бы мимоходом Маленков вдруг заявил:

– Президиум ЦК предлагает, товарищи, утвердить первым секретарем Центрального Комитета товарища Хрущева. Требуется ли пояснения этого дела?

– Нет»⁷².

Шепилов замечал: «Отныне любой сколько-нибудь существенный политический, международный, хозяйственный, культурный вопрос до его постановки в правительстве должен

⁶⁸ Хлевнюк О. Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации»// Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000. С. 288.

⁶⁹ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 249–250, 252.

⁷⁰ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 61.

⁷¹ Аджубей А. И. Те десять лет. М., 1989. С. 132.

⁷² Жуков Ю. Тайны Кремля. Сталин. Молотов. Берия. Маленков. М., 2000. С. 649.

был быть рассмотрен в ЦК... И теперь, сделавшись первым секретарем ЦК, Хрущев просто надел уже разношенные и удобно подогнанные Сталиным валенки и потопал в них дальше»⁷³.

У Хрущева была репутация крепкого, хорошего хозяйственника, партийного практика, он вызывал к себе симпатию народным красноречием и простодушием. Николай Байбаков, многолетний руководитель Госплана, писал: «Не числилось за Никитой Сергеевичем ни громких всенародных деяний и заслуг, ни теоретических работ, только голод на Украине, о котором старались не помнить, как и о сдаче Киева в 1941 году. Зато бытовало мнение – крепок, хватист, хороший хозяйственник, то есть типичный партийный практик, умеет вызывать к себе симпатию простой речью и обхождением, располагал к себе и внешний облик: простецкое лицо и жесты, простодушие как знак добропорядочности. И то, что он словоохотлив не в меру, тороплив в делах – это мы тоже знали.

Но, видимо, в нас, в нашей социальной психологии жило скрытое желание человеческой простоты, распахнутости и новизны, поэтому и старались не замечать ни грубости его характера, ни авантюристичности его решений. Может быть, и хватит с нас непреклонности и суровости вождей, постоянного, почти на пределе напряжения сил»⁷⁴.

Хрущев взял на вооружение метод улаживания коллег и подчиненных. Зарплату в государственных и партийных органах повысили в три-четыре раза. Льготы в виде казенных дач и пайков, автотранспорта и т. д. заметно расширились. Устанавливался строго нормированный рабочий день, никаких ночных бдений, как при Сталине. На Воробьевых горах недалеко от смотровой площадки были построены особняки, получившие в народе название «Заветы Ильича». Сделаны они были по одному проекту: двухэтажные, в каждом примерно восемь комнат, отдельный гараж. Жилые корпуса в Кремле были предназначены под снос – на их месте начиналось строительство стеклянной коробки Дворца съездов.

Огромным преимуществом Хрущева окажется его участие в созданной 5 марта тройке Президиума ЦК по «приведению в должный порядок» бумаг Сталина. Маленков вскоре после этого покинул пост секретаря ЦК, Берия был репрессирован, а его бумаги, как и весь архив Сталина, оказались в руках Хрущева. Его люди работали с документами денно и нощно, собирая помимо прочего пространные досье на каждого из коллег. Хрущев имел полную свободу распоряжения этими досье. В 1955 году он подпишет акт об уничтожении 11 мешков с протоколами Политбюро и отчетами МГК и ЦК Компартии Украины времен его руководства столицей и республикой об арестах врагов народа – на всех этих документах была его личная подпись⁷⁵. С этого момента он мог смело разоблачать преступления Сталина и других его соратников.

Писал Хрущев с ошибками, но говорил бойко. Готовя доклад, он вызывал стенографистку и диктовал. «Гениальные мысли приходили Хрущеву непрерывно... Вот почему доклады Хрущева, все, без единого исключения, были так рыхлы по содержанию и невероятно велики по размерам – 5, 6, 8, 10 газетных полос. А читались на совещаниях, пленумах, съездах они по 7–10 или даже 12 часов»⁷⁶. Анекдот тех лет: «Вопрос армянскому радио: можно ли завернуть в газету слона? Ответ: можно, если в газете опубликовано выступление Хрущева».

Хрущев был и мастером импровизаций, которые затем по стенограммам оперативно редактировались многочисленным штатом спичрайтеров, экспертов и литературных редакторов. Поскольку они доходили до советской публики уже в таком отредактированном виде, большой опасности внутри они не представляли.

Хрущев распространял свое влияние на все новые сферы политики постепенно, выступая со все новыми инициативами.

⁷³ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 293.

⁷⁴ Байбаков Н. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 109.

⁷⁵ Волкогонов Д. Семь вождей. Кн. 1. М., 1995. С. 260.

⁷⁶ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 281.

«Яблоки Лесниченко, сирень Колесникова, торфокомпост Лысенко, мульчирование почв, предложенное учеными Тимирязевской академии, гидропоника, торфо-перегнойные горшочки, квадратно-гнездовой способ посадки картофеля, позже – кукуруза, убежденность в спасительной силе идей Прянишникова о поддержании плодородия земли неорганическими удобрениями и многое, многое другое постоянно завораживало его. Если учесть его деятельную натуру, необычайный напор, с которым он брался за дело, то естественно, что не все и не всегда оказывалось приемлемым, не всегда вело к той пользе, на которую он рассчитывал, но берусь утверждать: единственной его целью было – улучшить жизнь»⁷⁷, – писал Аджубей.

Решающими звеньями подъема сельского хозяйства объявлялись то удобрения, то увеличение посевов гороха, то поливное земледелие с рисоводством. Серьезной причины дезорганизации сельского хозяйства стала кукурузная эпопея.

Сегодня мало кто спорит, что освоение целины было авантюрой. Только в 1954–1958 годах на это была потрачена почти треть всех средств, выделенных на сельское хозяйство. За это время старопахотные районы центральной России, оказавшиеся забытыми, ухудшили свои показатели⁷⁸.

Овцеводство было уничтожено не только в Казахстане, но и в Центральной России, где оно существовало испокон веков, давая людям мясо, валенки и полушубки.

Не случайно, что вскоре пришлось раскрыть государственные хлебные резервы. Государственные запасы зерна постоянно сокращались, использованные резервы превышали государственные закупки⁷⁹.

Празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией Хрущев превратил едва ли не в единоличное триумфальное мероприятие. Ему не терпелось преподнести Украине подарок с царского плеча.

Так появился на свет Указ от 19 февраля 1954 года о передаче Крымской области из РСФСР в состав УССР. К этому времени позиции Хрущева уже заметно окрепли. «И все растущий круг фаворитов уже услужливо называл его тем отвратительным и зловещим именем, которое перекочевало из сталинской эпохи – “хозяин”», – писал Шепилов.

Кроме того, была группа вопросов, по которым поначалу Хрущев импровизаций не допускал, поскольку в них не разбирался. К их числу, безусловно, относилась и внешняя политика. Прежде Хрущев не только не участвовал в обсуждении внешнеполитических вопросов. Шепилов вспоминает обсуждение международной тематики на Политбюро при Сталине: «Вдруг он остановился против Хрущева и, пытливо глядя на него, сказал:

– Ну-ка, пускай наш Микита что-нибудь шарахнет...

Одни заулыбались, другие хихикнули. Всем казалось невероятным и смешным предложение Хрущеву высказаться по международному вопросу».

Внешняя политика была прерогативой Молотова. Как глава правительства, нарком и министр иностранных дел он имел отношение ко всем важнейшим международным вопросам на протяжении десятилетий. Других членов Президиума ЦК в тот момент за пределами нашей страны не смогли бы различить ни по именам, ни по лицам. «В течение сравнительно долгого времени Хрущев не вмешивался в вопросы внешней политики и не высказывался по ним. Он признавал абсолютный приоритет в этой сфере В. М. Молотова и испытывал даже чувство своеобразного почтительного страха перед сложностью международных проблем...»⁸⁰.

⁷⁷ Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. С. 36–37.

⁷⁸ Томилин В. Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 86–91.

⁷⁹ Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 156.

⁸⁰ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 247–273.

Внешнеполитический дебют

Администрация Эйзенхауэра, в которой госсекретарем стал Джон Фостер Даллес, старший брат главы ЦРУ Аллена Даллеса, была жестким оппонентом. США по-прежнему оставались на гребне экономического могущества и рассчитывали переделать весь мир по собственному образцу, остановив распространение коммунистических идей по планете.

В своей инаугурационной речи президент заявил, что видит свое предназначение в борьбе за освобождение и безопасность «всего мира... рисовода Бирмы и производителя пшеницы в Айове, пастуха в Южной Италии и жителя Андских гор»⁸¹.

Своего апогея достигает «маккартизм». В общей сложности 10 млн. человек прошли проверку по различным программам «лояльности», и только из государственных органов к середине 1954 года были уволены около 7 тысяч служащих. Компартию США законом объявили «агентом иностранной враждебной державы» и лишили прав политической организации.

Госсекретарь Даллес, писал американский историк Дэниел Макинерни, «будучи строгим моралистом и глубоко религиозным человеком, трактовал окружающий мир как арену борьбы двух начал – добра и зла. И он намеревался не просто сдерживать врагов (понимай: силы зла), а нанести им сокрушительное поражение. Идея простого сдерживания коммунизма не удовлетворяла Даллеса, он мечтал полностью “низложить” коммунизм и “освободить” поработанные народы»⁸².

На смену стратегии сдерживания коммунизма приходила доктрина «освобождения», подкрепляемая расширением американского военного присутствия, массированным экономическим и культурным натиском. Республиканская администрация добавила методы пропагандистского, психологического воздействия – усилиями радиостанции «Свободная Европа», эмигрантских организаций и т. д.

Приверженность идеям «глобальной ответственности» США в полной мере отразилась в теории «вакуума сил». Согласно ей, в тех районах мира, откуда в результате национально-освободительной борьбы были изгнаны «старые» колониальные империи, образуются пустоты, которые призваны заполнить США. Эта теория легла в основу «доктрины Эйзенхауэра».

Аллен Даллес объяснял логику американской политики: «Ставя в международных отношениях силу выше права, коммунисты вынуждают нас принимать меры к отражению их агрессивных акций, где затрагиваются наши жизненные интересы. Обращения к их разуму и заклинания соблюдать принципы международного права на коммунистов не действуют. А мы не можем чувствовать себя в безопасности, если позволим Советам и их сателлитам использовать тактику “салями”, широко разрекламированную Ракоши в Венгрии, когда у свободного мира отбирают одну небольшую часть территории за другой, словно аккуратно нарезав колбасу на тонкие кусочки. Более того, мы не можем согласиться с мыслью о том, что в случае “освобождения” коммунистами по советскому рецепту какой-либо территории она навечно останется за пределами свободного мира и потеряет возможность когда-нибудь вырваться из коммунистической империи»⁸³.

Против СССР и его союзников действовали все более жесткие экономические санкции. И не исключалось применение против СССР ядерного оружия.

«Моим чувством всегда было и остается сейчас, – писал Эйзенхауэр в мемуарах, – что для Соединенных Штатов было бы невозможным выполнять военные обязательства, которые

⁸¹ Cook B. W. The Declassified Eisenhower: A Startling Reappraisal of the Eisenhower Presidency. N.Y., 1984. P. 173.

⁸² Макинерни Д. США. История страны. М. – СПб, 2011. С. 531.

⁸³ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 382.

мы на себя приняли по всему миру (не рискуя превратиться в государство гарнизонного типа), если бы мы не владели атомным оружием и не применяли его, когда это необходимо»⁸⁴.

На инструктаже, проведенном командованием стратегической авиации (КСА) в марте 1953 года, предполагалась возможность задействования для одновременного нападения на СССР 150 бомбардировщиков Б-36 и 585 бомбардировщиков Б-47 с европейских, азиатских и американских баз, которые могли бы пустить в ход 600–750 бомб для подавления станций раннего предупреждения. Советский Союз должен был стать «грудой дымящихся и зараженных радиацией руин»⁸⁵.

Уверенность в преимуществе в ядерном вооружении и авиационных средствах его доставки лежала в основе принятия доктрины «массированного возмездия», которую Даллес впервые изложил 12 января 1954 года: «Основным является решение полагаться главным образом на большую способность к мгновенному ответному удару средствами и в местах по нашему собственному выбору»⁸⁶.

То есть речь шла о том, чтобы в случае любого конфликта с Советским Союзом или Китаем в любой точке земного шара немедленно прибегать к массированному ядерному удару по СССР или КНР. «В климате, который царил в администрации Эйзенхауэра, было сложно выдвинуть предложения об ограниченной войне, чтобы это удовлетворило людей, принимающих решения. Ограниченная война предполагала Корею, идея, которая отвергалась и официальными лицами, и общественностью»⁸⁷, – замечал генерал Максвелл Тейлор, возглавлявший тогда штаб сухопутных сил США.

Доктрина «массированного возмездия» имела для СССР тот плюс, что сильно пугала европейцев, на что обращал внимание подававший большие надежды молодой политолог Генри Киссинджер: «Поскольку наша военная доктрина угрожает превратить любую войну во всеобщую ядерную, она неизбежно глубоко тревожит наших союзников, затрагивая либо их права, либо их жизненные интересы, и они делают все возможное, чтобы помешать нам предпринять какие бы то ни было действия, чреватые втягиванием их в конфликт»⁸⁸.

Тем не менее доктрина «массированного возмездия» была включена в стратегическую концепцию НАТО (МС 14/2, принятую Североатлантическим советом в мае 1957 года), которая призывала к полномасштабному ядерному ответу на любую советскую атаку, независимо от того, собиралась ли Москва применять ядерное оружие или нет⁸⁹.

В 1956 году Джон Фостер Даллес охарактеризует американскую стратегию в 1950-е годы как «балансирование на грани войны».

Резко возросла активность спецслужб. Принятый в декабре 1954 года документ СНБ-5412 разъяснял полномочия ЦРУ при проведении операций по «шпионажу и контрразведке за рубежом»: «создание и использование в своих целях трудноразрешимых проблем для международного коммунизма... дискредитация идеологии и престижа международного коммунизма и уменьшение силы его партий и других элементов... сокращение международного коммунистического контроля над любыми районами мира... создание подпольного сопротивления и содействие тайным и партизанским операциям, обеспечение активности этих сил в случае войны». Все «тайные операции» рекомендовалось проводить с таким расчетом, чтобы «ответственность за них правительства США не была явной... и в случае обнаружения правительство Соединенных Штатов могло с правдоподобностью отрицать какую-либо ответствен-

⁸⁴ Eisenhower D. White House Years. Mandate for Change. 1953–1956. Garden City (N.Y.), 1963. P. 180.

⁸⁵ Холловой Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997. С. 428.

⁸⁶ The New York Times. January 13, 1954.

⁸⁷ Taylor M. Swords and Plowshares. N.Y., 1972. P. 171.

⁸⁸ Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N.Y., 1957. P. 237.

⁸⁹ Nitze P. From Hiroshima to Glasnost. At the Center of Decision. N.Y., 1989. P. 195.

ность за них». В качестве методов подобных операций СНБ-5412 предлагал использовать «пропаганду; политические действия; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж и контрсаботаж, меры по разрушению и поощрению к эмиграции; подрывную деятельность против враждебных государств или групп, включая помощь подпольному сопротивлению, партизанским и эмигрантским группам; поддержку националистических и антикоммунистических элементов... планы и операции клеветы»⁹⁰.

Директивы СНБ претворялись в жизнь, во многом превосходя те операции, которые Соединенные Штаты будут осуществлять на Кубе после победы там революции во главе с Фиделем Кастро. Биограф Эйзенхауэра Стивен Амброз писал: «Под непосредственным управлением Аллена Даллеса и при поддержке Эйзенхауэра ЦРУ осуществляло тайные операции по всему миру. Наиболее успешными и яркими были операции в Иране в 1953 году и в Гватемале в 1954 году, а некоторые, как, например, в Венгрии в 1956 году, закончились полным провалом. Тем не менее тайные операции оставались чуть ли не главным оружием Эйзенхауэра в “холодной войне”»⁹¹.

Аллен Даллес авторитетно подтверждал свое участие: «Мосаддык в Иране и Арбенс в Гватемале пришли к власти нормальным путем, а не в результате государственного переворота... Поначалу и тот и другой скрывали намерение открыть доступ коммунистам в свои страны. Когда же такие цели стали очевидными, мы оказали поддержку антикоммунистическим элементам в обеих странах. В первом случае – лицам, поддерживавшим шаха, в другом – группе гватемальских патриотов. Все сошло удачно, и коммунистическая опасность была устранена. Правда, правительства, находившиеся у власти в Иране и Гватемале, формально не просили нас о помощи»⁹².

Соединенные Штаты также заметно расширяли сеть своих военно-политических союзов, ничуть не скрывая их антисоветскую направленность.

Известный историк Пол Кеннеди справедливо замечал: «С расширением членства в НАТО в 1950-е годы США фактически пообещали “защищать почти всю Европу и даже некоторые части Ближнего Востока – от Шпицбергена до Берлинской стены и до восточных границ Турции”».

Однако это было лишь началом американского перенапряжения сил. Пакт Рио и особое отношение с Канадой означали, что США взяли на себя ответственность по обороне всего западного полушария. Тихоокеанский пакт безопасности (АНЗЮС) добавил обязательства в юго-западной части Тихого океана. Конфронтация с Восточной Азией в начале 1950-х годов привела к подписанию нескольких двусторонних соглашений, по которым США обязались помогать странам тихоокеанского региона – Японии, Южной Корее, Тайваню и Филиппинам. В 1954 году они были подкреплены учреждением СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии), по которому США вместе с Великобританией, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами, Пакистаном и Таиландом пообещали взаимную поддержку для отражения агрессии в этом регионе.

На Ближнем Востоке США выступили главным инициатором еще одной региональной организации – Багдадского пакта 1955 года (позже превратившегося в Организацию центрального договора), в рамках которого Великобритания, Турция, Ирак, Иран и Пакистан объединились против подрывной деятельности и нападения. В других частях Ближнего Востока США заключали или готовили особые соглашения с Израилем, Саудовской Аравией и Иорданией –

⁹⁰ Cook B. The Declassified Eisenhower. A Divided Legacy. Garden City, 1981. P. 182–183.

⁹¹ Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 446.

⁹² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 364–365.

либо из-за прочных иудео-американских связей, либо в соответствии с «доктриной Эйзенхауэра» (1957), предполагавшей помощь арабским государствам⁹³.

В результате «пактомании Даллеса» США оказались во главе четырех военно-политических блоков, охватывавших кроме них самих еще 39 стран мира, не считая множества двусторонних военных договоров. Расширялась система военных баз, из предназначения которых в США не делали большого секрета: «Европейские и азиатские базы были особенно важны в 1950-е годы, поскольку представляли собой форпосты, с которых американские стратегические бомбардировщики могли наносить удары по сердцевине коммунистического монолита»⁹⁴, – замечали американские аналитики.

Вместе с тем в отношениях между СССР и Западом в 1950-е годы были заметны и некоторые позитивные подвижки.

После смерти Сталина разворот в советской внешней политике произошел достаточно резко, и инициатором его выступал МИД во главе с Молотовым. Этот курс пользовался поддержкой всего состава Президиума ЦК и был реализован задолго до того, как Хрущев стал хоть как-то интересоваться вопросами внешней политики⁹⁵.

Соцстранам – которых, конечно, не предполагали спускать с короткого поводка – был рекомендован резкий политический маневр, который должны были повторить шедшие в Москве перемены: переориентация на производство товаров широкого потребления, проведение широкой политической амнистии и т. п.

Произошла демилитаризация системы советского управления в Восточной Германии и Австрии.

Летом 1953 г. были сделаны первые шаги к нормализации межгосударственных отношений с Югославией.

Уже через две недели после смерти Сталина – 19 марта 1953 года – правительство СССР утвердило курс на прекращение войны на Корейском полуострове. Со своей стороны, главнокомандующий американскими войсками в Корее генерал Риджуэй утверждал, что наступление на север, к границам Манчжурии обойдется США в 350–400 тысяч убитыми и ранеными.

В июле 1953 года соглашение о перемирии было подписано. 31 июля войска двух коалиций, демонтировав оборонительные сооружения, отошли от линии непосредственного боевого соприкосновения на 2 км, образовав таким образом демилитаризованную зону шириной в 4 км вдоль всей границы КНДР и Республики Корея – в 62 км от Сеула и в 215 км от Пхеньяна⁹⁶.

СССР восстановил дипломатические отношения с Грецией, отказался от территориальных притязаний к Турции. За один 1953 год были заключены торговые договоры с 13-ю странами, среди которых были не только Франция, Швеция, Дания, Норвегия, но также Иран и становившаяся важным партнером Москвы Индия. СССР активно поддержал инициативы создания Движения неприсоединения, у истоков которого стояли индийский премьер Джавахарлал Неру и индонезийский президент Сукарно.

Центральным вопросом в отношениях Москвы и Запада оставался германский. По советскому плану Германия должна была стать единым миролюбивым и демократическим государством, что предполагалось достичь путем переговоров о заключении мирного договора, который гарантировал бы нейтральный, внеблоковый статус страны; союзные оккупационные войска подлежали выводу. Западный план включал требования проведения общегерманских свободных выборов и признания права Германии вступать в любые организации, в том числе и в НАТО.

⁹³ Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург, 2018. С. 580–581.

⁹⁴ Kegley Ch., Willkopf E. American Foreign Policy. Pattern and Process. N.Y., 1982. P. 101.

⁹⁵ Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash., 2012. P. 132–133.

⁹⁶ Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли В. Ф. Корейский полуостров: Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 167.

Признаки перелома тенденции к конфронтации были заметны на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании, США и Франции в январе-феврале 1954 года, где Молотов выступил с инициативой создания общеевропейской системы коллективной безопасности. В заявлении советского правительства от 31 марта 1954 года была высказана идея возможного членства СССР в НАТО.

В апреле-мае 1954 года на Женевском совещании по вопросам урегулирования в Индокитае с участием министров иностранных дел Советского Союза, США, Великобритании, Франции, Китая было достигнуто соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Правда, Даллес демонстративно покинул конференцию, не подписав итогового документа и заявив, что США будут «уважать» ее итоги, но не более того.

Наметилась перспектива первых шагов по контролю над ядерной сферой в декабре 1954 года. Генассамблея ООН приняла резолюцию об учреждении Международного агентства по контролю за атомной энергией (МАГАТЭ).

В это время Хрущев считал себя готовым к тому, чтобы лично вступить на международную арену. Поводы появились в связи с контактами по партийной линии.

В августе 1954 года в Москву – проездом в Китай – прибыла делегация лейбористской партии во главе с Клементом Эттли и Эньюрином Бивеном. Англичане дали очень высокие оценки интеллекту и аргументации Маленкова. Но Хрущев вызвал, мягко говоря, недоумение. На английского посла в Москве Хейтера он произвел впечатление человека, «невоспитанного, нахального, болтливое, невыдержанного, ужасающе невежественного в вопросах внешней политики». «Быстрый, но не умный, – суммировал Хейтер, – как молодой бычок, который, если ему указать направление, непременно достигнет своей цели, снося все на своем пути»⁹⁷.

При Сталине за рубеж из высшего руководства выезжали в основном только Молотов и Микоян. Сам Сталин на посту Генсека ездил только в Тегеран и Потсдам. Теперь уже Хрущев и его коллеги с азартом неопитов бросились осваивать новую для себя сферу, не испытывая необходимости в какой-либо профессиональной поддержке.

Постепенно Хрущев освоился, позволяя потоку сознания литься по любой проблеме. Импровизации на внешнеполитические темы стали представлять настоящий кошмар для МИДа, особенно когда на выступлениях присутствовали иностранные корреспонденты, немедленно передававшие на ленты все более новые и все более смелые внешнеполитические инициативы первого секретаря с использованием все более залихватской лексики. При этом поначалу трудно было предположить, что Хрущев проявит не большую терпимость к чужому мнению, чем его предшественник.

Из партийного аппарата пошла атака на Маленкова за бюрократизм в правительственных органах, и на январском пленуме ЦК 1955 г. он был снят с поста Председателя Правительства. Премьером стал Булганин. Затем удар был нанесен по Молотову, которого сначала обвинили в ошибках в теории социализма, а затем – в противодействии полной нормализации отношений с Югославией.

В 1955 году, пренебрегая позицией Франции, американцы взяли курс на интеграцию ФРГ в НАТО. США помогали Западной Германии в создании ядерной промышленности, поставляя ядерное топливо, специальное исследовательское оборудование и готовя кадры.

В Москве началась работа по подготовке концепции договора о коллективной обороне. Вторая конференция восточноевропейских стран прошла в Варшаве 11–14 мая 1955 года после того, как боннский парламент ратифицировал соглашение о вступлении Западной Германии в НАТО. Организация Варшавского договора стала альтернативой НАТО.

«Создавая этот пакт, мы хотели оказать давление на Запад и показать, что с социалистическими странами нельзя разговаривать языком силы, такие времена давно прошли. Если вы

⁹⁷ Taubman W. Khrushchev. The Man and His Era. N.Y. – L., 2003. P. 334–335.

создали военный блок НАТО, то мы в ответ создаем Организацию Варшавского договора... Предлагали много раз (и в беседах с государственными деятелями Запада, и в официальных документах) ликвидировать наш Варшавский пакт, если Запад ликвидирует НАТО»⁹⁸, – утверждал Хрущев. Заключительная статья Варшавского договора действительно гласила, что он утратит свою силу в случае создания в Европе системы коллективной безопасности.

25 января 1955 года указом Президиума Верховного Совета было прекращено состояние войны между СССР и Германией. В ходе советско-австрийских переговоров в Москве 12–15 апреля были сняты спорные вопросы о правах СССР на бывшую германскую собственность в Австрии, а Кремль дал «добро» на вывод из Австрии всех оккупационных войск и подписание Государственного договора. Австрийский премьер вспоминал слова Хрущева: «Вы знаете, господин Рааб, это первый раз в моей жизни, когда я сижу рядом с настоящим капиталистом»⁹⁹. 15 мая в венском дворце Бельведер Молотов – вместе с коллегами из США, Англии, Франции и Австрии – поставил свою подпись под договором о восстановлении независимой и демократической Австрии.

Только в середине 1955 года, когда Западная Германия была принята в НАТО и в ответ образовалась ОВД, СССР окончательно примет концепцию «двух Германий», отказавшись от идеи воссоединения страны. Тогда Советским Союзом была выдвинута идея созыва совещания на высшем уровне в Женеве в целях улучшения международной атмосферы и обсуждения осложнявших ее спорных проблем.

⁹⁸ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2, М., 2016. С. 13–14.

⁹⁹ Taubman W. Khrushchev. The Man and his Era. N.Y. – L., 2003. P. 349.

Хозяин

В 1955 году на пути к вершине у Хрущева оставались досадные препятствия в лице Маленкова и Молотова. 22 января 1955 года Первый секретарь вынес вопрос о Маленкове на рассмотрение Президиума ЦК. Ему инкриминировались забюрократизированность в работе Правительства и близость с Берией. Новым главой правительства стал Булганин, давний друг Хрущева.

7 февраля 1955 г. было принято решение о создании Совета обороны Союза ССР как постоянно действующего органа для рассмотрения вопросов обороны страны и Вооруженных сил. Вопрос о председателе теперь решился однозначно – Хрущев.

Для того чтобы отодвинуть Молотова, Хрущев объявил центральным для советской внешней политики вопрос о сближении с Югославией – именно потому, что глава МИД выступал последовательным критиком Тито, который вырезал всю просоветскую часть компартии Югославии и всячески заигрывал с НАТО. Экзекуция Молотова на Пленуме состоялась в июле 1955 года.

С этого времени Хрущев активно взялся за кадры МИДа, в массовом порядке наводняя его работниками партийных органов, знавших о дипломатии исключительно со страниц центральных газет.

Идею созыва совещания в верхах – вопреки позиции США – поддерживали Англия и Франция. После долгих колебаний Эйзенхауэр принял решение все-таки отправиться в Женеву. Перед отъездом он заверил, что не допустит «второй Ялты», и предостерег американцев от «глупых ожиданий, будто мир может быть будто по волшебству излечен одним совещанием»¹⁰⁰. Британскую и французскую делегации возглавили премьеры – Энтони Иден и Эдгар Фор.

Первая за десятилетие встреча глав великих держав вызвала колоссальный интерес. Улицы Женевы были заполнены зеваками, многие из которых специально приехали туда ради такого знаменательного события. Советской делегацией на правах премьера руководил Булганин, в ее состав входили Хрущев, Молотов, Громыко, а также маршал Жуков – на правах фронтового соратника Эйзенхауэра.

Сама конференция, открытые заседания которой проходили в зале заседаний прежней Лиги Наций в Пале де Насьон, из которого открывался отличный вид на Женевское озеро и горы, оказалась довольно скучной и свелась к обмену политическими заявлениями. Повестка дня – воссоединение Германии, европейская безопасность, разоружение, контакты между странами Востока и Запада.

Булганин предложил текст договора о европейской безопасности, который должен быть заключен между НАТО и странами Варшавского договора и предусматривал немедленный отказ от ядерного оружия. В планы западных держав ничего подобное не входило.

Громыко вспоминал, что заметное оживление вызвало напоминание Булганина об инициативе СССР по вступлению в НАТО: «Как бы там ни было, но ни тогда, ни позже какого-либо формального ответа на свое предложение в Женеве мы так и не получили»¹⁰¹.

Самым примечательным предложением Эйзенхауэра в Женеве стал план «открытого неба», предусматривавший наблюдательные полеты друг над другом, который Хрущев расценил как схему легализации шпионажа без желания двигаться в сторону сокращения вооружений.

¹⁰⁰ Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. 1955. Wash., 1957. P. 575.

¹⁰¹ Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. М., 2015. С. 484.

Вечером 22 мая российская делегация устраивала прием. «Атмосфера была расслабленной и легкой, – записал глава британского МИД Макмиллан. – Я все сильнее чувствовал, что Булганин, хотя и номинальный глава, имел небольшое значение и что Молотов был уже «больным человеком». Хрущев – для меня загадка. Как может этот толстый, вульгарный человек, с пороссячими глазками и бесконечным потоком речи быть реальным правителем – наследником царей – миллионов людей в этой огромной стране?»¹⁰²

Видный американский дипломат Чарльз Болен назвал Женеvu «одной из самых бесплодных и разочаровывающих встреч»¹⁰³. Единственным конкретным решением стало соглашение о том, что здесь же в Женеве в октябре пройдет конференция министров иностранных дел.

Конференция началась 26 октября с представления тремя западными странами совместного плана по вопросу воссоединения Германии и европейской безопасности. Молотов в ответ предложил проект договора о коллективной безопасности. Оставался несогласованным только один вопрос: общегерманских выборов. Это была точка наибольшего сближения позиций Советского Союза и западных держав с Ялты в 1945 году.

У Трояновского, который переводил переговоры, «сложилось впечатление, что, добиваясь объединения Германии, западные делегации готовы были пойти на дальнейшие серьезные уступки советской стороне, которая могла бы получить гораздо больше того, что она получила в результате объединения Германии в 1990 году. Виной тому во многом личные амбиции. Вероятно, Хрущев просто не хотел, чтобы Молотов, отставка которого была уже предрешена, заработал под занавес какие-либо лавры... Когда на конференции министров был объявлен перерыв, Молотов и Громыко отправились к Хрущеву, который в это время отдыхал в Крыму... Однако после разговора с Хрущевым оба вышли от него понурые и злые»¹⁰⁴.

А Хрущев и Булганин занялись Востоком. Их азиатское турне – в Индию, Бирму и Афганистан – длилось почти два месяца, толпы людей собирались посмотреть на советское руководство. Возвратившись, первый секретарь заявил на заседании Президиума: «В Индии – нечто похожее на “керенщину”. Будет обостряться борьба. Компартия будет расти».

Москва впервые заявляла себя как серьезный игрок на Ближнем Востоке, который до этого момента рассматривался западными странами как своя политическая вотчина.

Макмиллан сделал явно не устроившие западную дипломатию выводы: «Они вступают в контакты с Сирией, Саудовской Аравией, Ливией и другими странами. Это действительно начало нового наступления на Ближнем Востоке, пока Европа сдерживается “духом Женевы”, а Дальний Восток временно стабилизирован»¹⁰⁵.

Поставки вооружений на Ближний Восток открывали новое обширное поле для конфронтации с Западом. Хрущев поведает египетскому лидеру Насеру: «Лучшая оборона – нападение. Я сказал, что нам необходима новая, активная дипломатия, поскольку невозможность ядерной войны означает, что борьба между нами и капиталистами будет теперь вестись другими средствами. Я не авантюрист... Но мы должны поддержать новые освободительные движения»¹⁰⁶.

На Президиуме ЦК 13 февраля 1956 года было принято решение: внести на Пленум ЦК КПСС предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности и утвердить докладчиком Н. С. Хрущева». Как отмечал историк Рудольф Германович Пихоя, «грубо нарушалась традиция подготовки не только

¹⁰² Macmillan H. *Autobiography*. Vol. 3. *Tides of Fortune*. N.Y., 1969. P. 620–622.

¹⁰³ Bohlen Ch. *Witness to History*. 1929–1969. N.Y., 1973. P. 386.

¹⁰⁴ Трояновский О. А. *Через годы и расстояния*. История одной семьи. М., 2017. С. 174.

¹⁰⁵ Macmillan H. *Autobiography*. Vol. 3. *Tides of Fortune*. N.Y., 1969. P. 636–637.

¹⁰⁶ Таубман У. *Хрущев*. М., 2008. С. 389.

съезда, но и вообще сколько-нибудь крупного партийного мероприятия: утверждался доклад, текста которого в это время вообще не существовало. Его еще предстояло написать»¹⁰⁷.

К началу съезда над текстом секретного доклада еще работали две команды спичрайтеров. Окончательный текст – авторский, хрущевский.

Бурлацкий полагал: «Надо было обладать натурой Хрущева – отчаянностью до авантюризма, надо было пройти через испытания страданием, страхом, приспособленчеством, чтобы решиться на такой шаг»¹⁰⁸.

Секретный доклад Хрущева произвел эффект разорвавшейся ядерной бомбы. «Как было не верить ему? Конкретные, жуткие факты, имена, названные им, безусловно проверены и точны, – вспоминал присутствовавший в зале Николай Байбаков. – И все ж что-то настораживало – особенно какая-то неестественная, срывающаяся на выкрик нота, что-то личное, необъяснимая передержка. Вот Хрущев, тяжело дыша, выпил воды из стакана, воспаленный, решительный... Факты замельчили, утрачивая свою значимость и остроту... Изображаемый Хрущевым Сталин все же никак не совмещался с тем живым образом, который мне ясно помнился. Сталин самодурствовал, не признавал чужих мнений? Изощренно издевался? Это не так. Был Сталин некомпетентным в военных вопросах, руководил операциями на фронтах “по глобусу”? И опять – очевидная и грубая неправда... Человек, возглавлявший страну, построивший великое государство, не мог быть сознательным его губителем... В сарказме Хрущева сквозила нескрываемая личная ненависть к Сталину. Невольно возникала мысль – это не что иное, как месть Сталину за вынужденное многолетнее подобострастие перед ним»¹⁰⁹.

5 марта было принято решение ознакомить с докладом «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников»¹¹⁰. Резонанс превзошел все ожидания. «Десталинизация общества дополнялась другой важной составляющей: происходит своего рода “десакрализация власти”. Хрущев выпустил джинна из бутылки – замахнувшись на своих противников мечом политических разоблачений, он разрушил, сам того не желая, ту идеологическую дисциплину и единомыслие, которые были неотъемлемой частью коммунистической идеологии»¹¹¹, – замечал Рудольф Пихоя.

Секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС, сразу же переставший быть секретным, нанес мощнейший удар по внешнеполитическим позициям Советского Союза и мирового коммунистического движения, спровоцировал ряд серьезнейших кризисов. «Секретную речь Хрущева, несомненно, можно назвать самым опрометчивым и самым мужественным поступком в его жизни, – пишет Уильям Таубман. – Поступком, после которого советский режим так и не оправился – как и сам Хрущев»¹¹².

Общественное сознание было буквально взорвано, от монолитного единства советского народа не осталось и следа. Первой взорвалась Грузия. Стреляли: 20 убитых, 60 раненых, 381 арестованных – в основном школьники и студенты. Митинги продолжались под крики «Кровь за кровь». 50-тысячная толпа митинговала в Гори, осаждали горотдел милиции¹¹³.

Советские патриоты-коммунисты теряли почву под ногами. Но и либералы были недовольны – недостаточностью размежевания с советским прошлым и настоящим. «Предпринятое

¹⁰⁷ Пихоя Р. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 125.

¹⁰⁸ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 65.

¹⁰⁹ Байбаков Н. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 118, 119.

¹¹⁰ Известия ЦК КПСС. № 3. 1989. С. 166.

¹¹¹ Пихоя Р. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 13.

¹¹² Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 303.

¹¹³ Козлов В. Политические волнения в Грузии после XX съезда КПСС // Отечественная история. № 3. 1997. С. 33, 43–49; Молотов. Маленков. Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 1998. С. 753.

Хрущевым развенчание культа личности носило дозированный, непоследовательный и противоречивый характер, – пишет Костырченко. – Да и саму эту кампанию он инициировал, во-первых, преимущественно ради того, чтобы застраховать номенклатуру от повторения прежнего “беспредела” госбезопасности, во-вторых, дабы дискредитировать и добиться низвержения своих политических конкурентов, заклеянных им как “антипартийная группа”, и только в-третьих, чтобы повысить уровень благосостояния рядовых граждан, несколько расширив их социальные (не политические!) права... Вот почему либеральная интеллигенция, которая поначалу с энтузиазмом восприняла официальные декларации о восстановлении “социалистической законности”, потом все более скептически относилась к подобной риторике, призванной камуфлировать продолжавшееся (пусть и в меньших масштабах) попрание государством гражданских прав и свобод»¹¹⁴.

И уже очень скоро доклад перестал быть секретом для мирового общественного мнения.

В ярости был Мао. Ведь он только что направил приветствие в адрес съезда, где пел дифирамбы партии Ленина-Сталина, которое с трибуны съезда под бурные аплодисменты зала зачитал представлявший КПК Джу Дэ. «Он направил на нас меч, выпустил из клеток тигров, готовых разорвать нас... Сталина можно было критиковать, но не убивать»¹¹⁵. В это время Мао пришел к окончательному выводу, что Хрущев губит дело Ленина. Уже в XXI веке в годы правления Си Цзиньпина выступление Хрущева на XX съезде расценивалась как катастрофическая ошибка.

В Париже громили помещения общества «Франция – Россия», оскорбляли и избивали его активистов, из его правления вышли все члены (за исключением Жан-Поля Сартра).

Зато многие были просто в восторге. Например, Аллен Даллес, который напишет: «Судя по кратким сообщениям, появившимся в прессе, можно было заключить, что выступление нового советского лидера длилось долго. Такую речь не мог произнести экспромтом даже Хрущев, известный своими пространными импровизированными тостами и репликами. Значит, речь была написана и отпечатана, и, конечно, не в единственном экземпляре. А раз так, то текст, несомненно, разослали по многим адресам. Оставалось лишь добыть один из таких экземпляров.

Так началась охота нашей разведки за этим документом, представлявшим исключительный интерес для свободного мира. В конце концов текст был найден, и очень далеко от Москвы... Я всегда вспоминаю об этом, как об одном из самых моих крупных успехов за все время службы в разведке. Полный текст документа опубликовал государственный департамент. Секрет Кремля стал известен всему миру»¹¹⁶.

Как пишет историк американских спецслужб Тим Вейнер, «потом в течение многих месяцев секретная речь Хрущева передавалась по ту сторону железного занавеса по радио “Свободная Европа” – через медиамашину ЦРУ стоимостью 100 миллионов долларов. Более 3 тысяч дикторов из числа эмигрантов, а также авторов, инженеров и их американских надзирателей заставляли радио вещать в эфире на восьми языках по девятнадцать часов в сутки».

Алан Даллес на частном самолете за два месяца облетел резидентуры ЦРУ во всем мире – Лондон, Париж, Франкфурт, Вена, Рим, Афины, Стамбул, Тегеран, Дахран, Дели, Бангкок, Сингапур, Токио, Сеул, Манила, Сайгон, – где давал рекомендации по более полному доведению содержания секретного доклада Хрущева до населения всей планеты¹¹⁷. Ни одна речь в истории человечества – ни до, ни после – не распространялась так широко.

¹¹⁴ Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 438, 439.

¹¹⁵ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 371.

¹¹⁶ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 138–139.

¹¹⁷ Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М., 2013. С. 138–141.

Теперь уже в Кремле думали, как отыграть назад. В апреле 1956 года решением ЦК был распущен целый ряд парторганизаций, в которых слишком откровенно обсуждали решения XX съезда.

Летом 1956 года в письме ЦК КПСС сообщалось, что «враги партии использовали внутривластную демократию для борьбы против партии», что «под флагом борьбы против культа личности доходят до отрицания роли руководителей вообще». По всей стране покатались аресты тысяч человек, за которыми следовали весьма суровые приговоры суда за «клевету» на советскую действительность и «ревизионизм». Осужденных ждали длительные сроки либо в тюрьме, либо в психиатрической больнице¹¹⁸.

Однако загнать джинна обратно в бутылку было уже невозможно, да это и не отвечало интересам Хрущева, обострявшему конфликт внутри Президиума ЦК.

В конце мая Хрущев снял Молотова с поста министра иностранных дел, чтобы не омрачать визит Тито в Москву. На освободившуюся должность был назначен Дмитрий Шепилов, до того дипломатической работой не занимавшийся.

Если и были намерения подать разоблачением Сталина сигнал к смягчению напряженности с США, то эффект оказался прямо противоположным. Предложения о советско-американской встрече на высшем уровне были отвергнуты и, как считает Таубман, «одной из причин сопротивления Даллеса стал секретный доклад Хрущева. Если, как полагал американец, одной из причин советских реформ стала жесткая позиция Америки, то давление следовало продолжать»¹¹⁹. Нагляднейшей демонстрацией давления стал полет разведывательного самолета U-2 над Москвой и Ленинградом 4 июля 1956 года – как раз в то самое время, когда Хрущев со своими коллегами отмечал День независимости на приеме в американском посольстве. Попал ли сам Хрущев в кадр в тот день, неизвестно, но все военные объекты обеих столиц были хорошо видны на проявленных фотографиях¹²⁰.

Идея проведения тотальной разведки с воздуха над всей территорией Советского Союза еще с конца 1940-х годов овладела умами американских стратегов. Поначалу это были аэростаты. Ученые определили, что на больших высотах ветры дуют устойчиво с запада на восток. Значит, можно запустить воздушный шар из Европы, и теоретически он опустится где-то в районе Японии. Аэростаты снабдили фотоаппаратурой, магнитофонами для записи радиосигналов, приемниками радиоизлучения, приборами для взятия проб воздуха и действительно массово запустили над Советским Союзом. Далеко не все воздушные шары долетали до места назначения, многие из них обнаруживали на земле или на деревьях изумленные лесники в тайге и труженики сельского хозяйства на полях. Часть аэростатов сбивали. Поначалу Москва реагировала крайне резко: заявляли протесты, демонстрировали шпионскую аппаратуру на специальных выставках, проводили на эту тему пресс-конференции. Аэростаты продолжали летать.

С 1954 года в Соединенных Штатах началась разработка высотного самолета-разведчика. Опытный образец был готов в феврале 1955 года и получил название U-2. Отправлять его в полет над СССР поначалу опасались¹²¹.

Но Эйзенхауэр решил, что ценная информация, которая могла быть получена средствами воздушной разведки, стоила возможных политических издержек. Откровенничал Аллен Даллес: «Нам требовалась информация для составления различных военных программ, в частности ракетной. Ее нельзя было разработать без свежих сведений о планах Советского Союза в этой области. Пришлось бы гадать о характере и размерах угрозы внезапного ракетно-ядер-

¹¹⁸ Наумов В. П. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. № 4. 1997. С. 32–33.

¹¹⁹ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 389.

¹²⁰ Beschlos M. *Mayday: Eisenhower, Khrushchev and the U-2 Affair*. N.Y., 1986. P. 121–122.

¹²¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 127–128.

ного удара Советов, поставившего бы под вопрос само существование Соединенных Штатов... Возникшая в пятидесятые годы ракетная гонка приняла серьезный характер, и полеты U-2 помогли нам получить необходимую информацию о прогрессе Советов в этой области»¹²².

И вот 4 июля 1956 года U-2, стартовав из немецкого Висбадена, пролетел над Польшей и Белоруссией, сделал два круга над Москвой, а затем ушел в сторону Ленинграда и пересек границу в обратном направлении в районе Прибалтики. С этого дня разведывательные полеты американских самолетов над территорией СССР стали регулярными – только в течение первой недели их было шесть. Ни истребителей, ни ракет, способных достать их на той высоте, на которой они летали, у Москвы не было¹²³.

Сергей Хрущев писал об отце: «Он не раз говорил, что бы почувствовал президент США, заслуженный генерал, прославивший человеком чести, Дуайт Эйзенхауэр, если бы мы послали свои самолеты на Вашингтон или Нью-Йорк.

– Это была бы война, – в запале восклицал отец.

В его глазах этот полет – оскорбление национальной гордости нашего народа, демонстративное нежелание американцев считаться с нашим суверенитетом... Отец жаждал отмщения»¹²⁴.

Сам Хрущев подтверждал: «Как ни форсировали моторы истребителей, мы не могли добраться до этих “летунов”, которые летали, как говорится, посмеиваясь над нашими усилиями, наносили нам моральное оскорбление. Это еще больше нагнетало напряженность между нашими странами, доводило нас, как говорится, до белого каления...»¹²⁵.

Но Аллен Даллес только вошел во вкус. Посетовав на то, что советское руководство ограничивает критику преступлений Сталина внутренней политикой, Даллес подчеркивал: преступления против всего человечества, связанные с порабощением стран Восточной Европы, были ничуть не менее чудовищными, а потому необходимо полностью восстановить их суверенитет. Западные спецслужбы и пропагандистская машина заработали на полную мощь, находя отклик в умах многих восточноевропейцев.

После секретного доклада Хрущева застрелился лидер польских коммунистов Болеслав Берут. Для участия в его похоронах в Варшаву прибыл сам Хрущев, в присутствии которого пленум Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) принял решение ознакомить все парторганизации с секретным докладом. Реакция была острой: повсеместно обвиняли СССР в провале Варшавского восстания в 1944 году, в расстреле польских офицеров в Катynie, требовали вывода из Польши советских войск. Начались демонстрации с лозунгами «Долой коммунизм!», переросшие в столкновения с силами правопорядка. 70 человек было убито, 500 ранено. VII пленум ПОРП потребовал восстановления в партии ранее арестованного за правый национализм Владислава Гомулки и сделать его главой партии. Москва пригрозила вводом войск, но в результате удовлетворилась обещаниями польских руководителей сохранить социалистический выбор и не выходить из Варшавского договора.

Польский пример и американские спецслужбы вдохновили венгров. Лидеры коммунистов Матьяш Ракоши и Андраш Хегедюш оказались под огнем критики как сталинисты и ретрограды со стороны сторонников Имре Надя. 23 октября в Будапеште состоялась 100-тысячная студенческая демонстрация, переросшая в антиправительственное вооруженное восстание.

Сергей Хрущев писал о венгерских событиях: «Это была хорошо продуманная политика Джона Фостера Даллеса. Американцы выигрывали при любом повороте событий. Если Советы

¹²² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 320.

¹²³ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 482.

¹²⁴ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 131.

¹²⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 581.

проявят непростительную для великой державы нерешительность, откажутся от применения силы, то Венгрия сама, без каких-либо усилий со стороны, упадет к ним в руки...

ЦРУ, Аллен Даллес, через свои радиостанции всячески подстрекали венгров к восстанию. По всем “голосам” вещали: “Американские войска на подходе, стоит вам начать, и вас в беде не оставят...”¹²⁶.

Заседание Президиума ЦК КПСС с обсуждением ситуации в Венгрии проходило, когда в Будапеште шел штурм здания радио и сносили памятники Сталину. Хрущев высказался за ввод войск. 4 ноября советские войска силами 12 дивизий начали «операцию Вихрь», и в течение недели сопротивление протестующих было сломлено. Потери со стороны венгерских повстанцев составили более 20 тысяч убитыми и ранеными, Советской Армии – почти 2 тысячи. Это еще больше накалило отношения СССР с Западом и привело к политическому и моральному урону для Москвы.

В апреле 1956 года была прекращена деятельность Коминформа с пояснением о том, что братские партии найдут новые полезные формы для установления контактов. Это было сделано в первую очередь для того, чтобы не омрачать отношения с Тито. Связи с Югославией были восстановлены в полном объеме, но это не привело Белград ни в СЭВ, ни в ОВД.

Социалистический лагерь трещал по швам на радость Западу. Джордж Кеннан, автор доктрины сдерживания, не без удовольствия напишет в мемуарах: «Когда в период с 1957 по 1962 год противоречия между коммунистическими партиями Китая и Советского Союза, пребывавшие до того в скрытом состоянии, прорвались на поверхность и приняли форму главного конфликта между двумя режимами, ситуация в международном коммунистическом движении резко изменилась. Коммунистические партии, находившиеся не только за пределами Восточной Европы, могли теперь ориентироваться на два, а если считать Белград, то и на три полюса. Такая свобода выбора сделала для них возможным приобретение независимости во многих отношениях. Ни тот, ни другой центры коммунизма не могли уже добиться полного дисциплинарного контроля за ними, опасаясь бросить их в руки другой стороны»¹²⁷.

Но Хрущев продолжал вбивать в него все новые клинья. «Он стал критиковать румынского руководителя Георгиу-Дежа, распекал албанских лидеров Энвера Ходжу и Мехмета Шеху, начал поучать умнейшего Тольятти. Но больше всех его начал раздражать со временем именно Мао Цзэдун... Дело дошло до разнуданной брани в адрес китайского лидера и прямых оскорблений китайского народа в многотысячных аудиториях»¹²⁸, – возмущался Шепилов. Мао, в свою очередь, характеризовал советского лидера как ревизиониста, отказывающегося от марксизма-ленинизма.

Ревизионистом, но уже в другом смысле – сторонником ревизии сложившегося в мире статус-кво – считали Хрущева и на Западе. Со все большей легкостью Хрущев размахивал ядерной дубинкой. «Хрущевский ядерный шантаж поражает своей бесхитростью и вместе с тем агрессивностью»¹²⁹, – писал историк Владислав Зубок.

Киссинджер утверждал: «Никита Хрущев не мог позволить американской сфере влияния процветать без проблем. Он стал бросать вызов Западу в таких местах международной арены, которые Сталин всегда считал стоящими за пределами границ советской сферы интересов, из-за чего “горячие точки” советско-американского соперничества передвинулись за пределы Европы. Первая из этих «горячих точек» должна была возникнуть в результате... Суэцкого кризиса 1956 года»¹³⁰.

¹²⁶ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 156.

¹²⁷ Кеннан Дж. Воспоминания американского посла в СССР. М., 2022. С. 262.

¹²⁸ Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 384.

¹²⁹ Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 233.

¹³⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2021. С. 507.

В ночь на 30 октября вооруженные силы Израиля вторглись в Египет на фронте от Средиземного моря до Акабского залива. Через сутки английское и британское правительства предъявили Израилю ультиматум с требованием прекратить военные действия, отвести войска от Суэцкого канала и предоставить возможность его оккупации англо-французскими войсками, угрожая в противном случае интервенцией. 31 октября англо-французская авиация бомбила позиции египетских войск вдоль канала, а через несколько дней последовала высадка и сухопутных войск. Однако блицкриг не получился, война затягивалась.

Хрущев был полон решимости. Свидетельствовал Шепилов: «Хрущев – человек невыдержанный, у него часто преобладало увлечение моментом, он сразу: “Война! Война!”...»

– Да что, мы не разобьем этих говнюков? – вскипает Хрущев. Подумаешь там, Англия, Франция»¹³¹.

Он надиктовал письмо, которое 5 ноября Булганин отправил Идену: «Что будет с Великобританией, если ее атакуют более сильные государства, обладающие всеми видами современного оружия массового поражения?» Возражал против англо-франко-израильской интервенции и Эйзенхауэр. Когда же 6 ноября под его давлением было заключено соглашение о прекращении огня, Хрущев весь светился от радости, будучи уверенный в том, что это сработал его ядерный шантаж¹³².

А возражения Шепилова против резкости Первого секретаря в дни Суэцкого кризиса станут причиной его скоропостижной отставки с поста министра иностранных дел. Главой МИД стал Андрей Андреевич Громыко.

Суэцкий кризис имел серьезные последствия и для западного мира. Известный дипломат и аналитик Пол Нитце, который в дни Карибского кризиса будет заместителем министра обороны США, писал: «Суэцкий кризис 1956 года разделил Британию и опрокинул ее премьер-министра Энтони Идена, но кризис, как оказалось, объединил Францию. В Париже на Соединенные Штаты смотрели как на предателя своих союзников. Франция решила действовать самостоятельно, защищая свои интересы в будущем. Ее ядерная программа была подстегнута этим решением, и дополнительный импульс был придан формированию европейского Общего рынка. Поэтому после этого единственная вещь, которую Шарль де Голль, обретший президентство во Франции в 1958 году, хотел от Соединенных Штатов – технологическая помощь в ядерной программе»¹³³. Не получив эту помощь, Франция еще больше отдалилась от США.

Советский Союз устремился к созданию системы своего глобального влияния, делая основной упор на поддержку антиколониальных национально-освободительных движений по всему миру. Борьба за образование национальных демократических государств рассматривалась как этап на их пути к социализму. С конца 1950-х годов. Советский Союз оказывал помощь в строительстве металлургических заводов в Индии, Асуанской гидроэлектростанции в Египте, начал активные поставки оружия в развивающиеся страны. С финансовой и технической помощью СССР при Хрущеве в разных странах мира было построено около 6 тысяч предприятий.

Неожиданный подарок Хрущев преподнес Западу в ноябре 1956 года, произнеся очередную историческую фразу, которую очень хорошо расслышал и использовал Аллен Даллес: «Его ставшая широко известной всему миру реплика “Мы вас похороним”, брошенная западным дипломатам на приеме в польском посольстве 18 ноября 1956 года в Москве, была опущена в сообщениях советской прессы, хотя услышали ее многие»¹³⁴.

¹³¹ И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 163.

¹³² Public Papers of the President of the United States. 1956. Wash., 1958. P. 1060; Таубман У. Хрущев. М., 2008. P. 394–395.

¹³³ Nitze P. From Hiroshima to Glasnost... N.Y., 1989. P. 179.

¹³⁴ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 95–96.

Сам Хрущев объяснял свои слова так: «Как-то, за пару лет до приезда в США, я допустил неосторожное выражение в отношении Америки, сказав, что мы “закопаем” врагов революции. Вражеская пропаганда подняла мои слова на щит: мол, Хрущев, советские люди хотят закопать народ Соединенных Штатов Америки. Так они использовали в своих целях брошенную мной фразу. На пресс-конференции по приезде в США, когда мне поставили этот вопрос, я разъяснил: мы никого не собираемся закапывать, враждебный буржуазный класс будет закопан самим рабочим классом Соединенных Штатов. Это внутренний вопрос каждой страны»¹³⁵.

Руководителей страны не могло не волновать то, как менялся стиль советской дипломатии, ее содержание, процесс принятия решений.

Новый стиль советской дипломатии описывал и Шепилов: «Когда сложилась система личной власти Хрущева, все процедурные условности были отброшены, весь арсенал дипломатических средств был перевернут вверх дном. По крупнейшим и очень мелким вопросам стал, в конце концов, выступать почти исключительно один Хрущев. Причем выступал он чуть ли не ежедневно (а то и несколько раз в день), где придется и как придется. Совершенно не учитывались при этом значение вопроса, которому посвящено выступление, и его возможный международный резонанс... Покрылись паутиной апартаменты для дипломатических приемов МИДа. Работники МИДа стали забывать нормы дипломатического этикета. Хрущев стал сам принимать всех приезжих гостей – нужных и не столь нужных. Местом приемов стал исключительно Большой Кремлевский дворец, куда по велению Хрущева сопровождали его не только все члены Президиума и секретари ЦК, но и скопом валили все члены ЦК, министры, депутаты Верховных Советов, артисты и писатели, генералы и маршалы. Все дипломатические приемы превратились в широчайшие пиршества»¹³⁶.

В 1957 году Хрущеву пришлось выдержать острейшую политическую битву. Назревал серьезный конфликт внутри высшего руководства страны, связанный также с недовольством социально-экономической политикой Хрущева и его стилем руководства.

«После XX съезда последние остатки былой скромности Хрущева исчезли – как говорится, “шапка на ём встала торчком”. Почувствовав себя “вождем”, он, во-первых, перестал старательно готовить вопросы к заседаниям Президиума. Коллективность в руководстве была грубо нарушена, а главное – это приводило к грубым ошибкам в существе политического и экономического руководства»¹³⁷, – замечал Каганович. Ворошилова не устраивало, что Хрущев «на заседаниях обрушивался на товарищей, в том числе и на меня, если я или другой кто-либо выступит с тем или иным замечанием, идущим вразрез с мнением тов. Хрущева»¹³⁸.

Еще одно поле для конфликтов появилось, когда в начале 1957 года Хрущев приступил к реформам в управлении, которые по радикальности могли сравниться разве что с петровскими. 28 января 1957 года на заседании Президиума ЦК было заявлено о самой кардинальной экономической реформе за столетия: переходе от отраслевой системы управления к никогда не использовавшейся территориальной.

В соответствии с законом одномоментно упразднились 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств. Всего же в ходе реформы ликвидировали 141 министерство, подчиненные им предприятия были переданы региональным Советам народного хозяйства (СНХ)¹³⁹. Совнархозы представляли собой коллегиальные органы, руководившие одновременно многими отраслями промышленности на подведомственной территории. При этом все вертикали управления народным хозяйством были уничтожены.

¹³⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 497;

¹³⁶ Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 244–245.

¹³⁷ Каганович Л. Памятные записки. М., 1996. С. 510.

¹³⁸ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 263–264.

¹³⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2003. С. 990.

Становился очевидным провал аграрных реформ. «Укрупняли колхозы, забрасывали деревни, делая их пустующими, вместо деревенского хлеба и молока, свежего и всегда под рукой, решили завозить из города, – писал Микоян. – И, конечно, начались перебои с подвозом. Появились очереди за хлебом и молоком в деревне – это раньше представить было невозможно!»¹⁴⁰

Решающими звеньями подъема сельского хозяйства объявлялись то удобрения, то увеличение посевов кукурузы и гороха, то поливное земледелие и рисоводство. 22 мая 1957 г. Н. С. Хрущев без согласия с Президиумом ЦК вбросил лозунг «Догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения».

Отношения внутри партийной верхушки резко обострились. Речь шла не столько о взглядах Хрущева, сколько о нежелании терпеть самодурство. Шепилов свидетельствовал: «Все начали говорить, что дальше так нельзя, мы так пропадем. Наступило такое время, когда что-то нужно было делать. Страна, партия, торговля, экономика – все рушится, все куролесится, со всеми переругался, с Китаем порвал»¹⁴¹.

Президиум ЦК (на стороне Первого секретаря был только Микоян) предъявил Хрущеву обвинения в самоуправстве, в принятии единоличных решений, непродуманных шагах в области экономической политики, в произнесении не согласованного на Президиуме доклада на XX съезде. Должность Первого секретаря предлагалось упразднить для восстановления коллективного руководства, Хрущева назначить министром сельского хозяйства. Однако Первому секретарю и его сторонникам в секретариате ЦК удалось затянуть ход обсуждения.

С помощью партийного аппарата тайно собрали в Москве членов ЦК, чью доставку организовали военные во главе с маршалом Жуковым. Семичастный напишет: «Решающую роль в победе Хрущева сыграла, конечно, поддержка его армией и КГБ – Жуковым и Серовым»¹⁴². На экстренном июньском Пленуме 1957 года Хрущев, получивший поддержку местной партийной элиты и аппарата ЦК, одержал верх над большинством Президиума ЦК. Молотов, Каганович, Маленков, а также «примкнувший к ним» Шепилов были осуждены как антипартийная группировка и потеряли свои посты. Был также освобожден от обязанностей Председателя Верховного Совета СССР Ворошилов, его место занял Брежнев, возглавлявший ранее парторганизацию Казахстана.

Вскоре в опалу попал Жуков. «Он сыграл активную роль в подавлении инициативы молодцовско-маленковской взбунтовавшейся группы, – напишет Хрущев. – Но когда Жуков вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова»¹⁴³. Его отправили с визитом в Албанию и Югославию и в его отсутствие 19 октября собрался Пленум, на котором выгнали из Президиума, ЦК и с поста министра обороны.

После снятия Жукова Хрущев предпочел не делать министром обороны популярного в народе военачальника. «Было много кандидатов, которых можно было утверждать на освободившийся пост министра обороны, – замечал Семичастный. – Однако министром не стали ни Конев, ни Рокоссовский, ни Еременко, ни Баграмян. Военные заслуги человека, сменившего Жукова – Родиона Яковлевича Малиновского, – были на порядок ниже. Но он еще при Жукове стал заместителем министра обороны и пользовался благосклонностью Хрущева. В сравнении с другими он был не столь амбициозен, но достаточно умен. Отличался он и тем, что умел

¹⁴⁰ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 649.

¹⁴¹ Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 388.

¹⁴² Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 94.

¹⁴³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 662.

создавать вокруг себя хорошие человеческие отношения. И при этом его авторитет не мог угрожать авторитету самого Хрущева»¹⁴⁴.

«Малиновский оставался прежде всего военным, и он это часто подчеркивал... Как с трибуны, так и в ходе бесед с товарищами Малиновский не скупился на крепкие слова по адресу тех, кто стал ковать оружие против Советского Союза»¹⁴⁵, – писал Громыко.

Сам Андрей Андреевич Громыко остался министром иностранных дел. Экономист по образованию, он несколько лет возглавлял посольство в Вашингтоне, а затем работал заместителем главы МИДа. «Назначение Громыко на пост главы советской дипломатии имело для Хрущева много выгод. Сравнительно быстро оба нашли общий язык. Хрущев не был в области дипломатии слишком силен, а умный Громыко гарантировал стабильность общего толкования внешней политики и сохранение профессиональных кадров. Громыко занял свое место и никоим образом не мог служить угрозой позициям Хрущева. Андрей Андреевич не входил в состав Президиума ЦК и в случае возникавших разногласий не оказывал принципиального сопротивления»¹⁴⁶, – замечал Семичастный.

За годы своего правления Хрущев неоднократно реформировал спецслужбы.

Первый председатель собственно КГБ СССР (до этого спецслужбы носили другие названия и имели другую структуру), многоопытный генерал армии Иван Александрович Серов, который сыграл большую роль в вознесении Хрущева на вершину власти, уже пребывал фактически в опале.

В декабре 1958 года Серов неожиданно был назначен начальником Главного разведывательного управления (ГРУ) и заместителем министра обороны по разведке, что было очевидным понижением. Во главе КГБ был поставлен первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Николаевич Шелепин, к которому Серов, судя по его воспоминаниям, не испытывал, мягко говоря, никаких теплых чувств. Следует заметить, что служба внешней разведки КГБ и Главное разведывательное управление (ГРУ) Министерства обороны в принципе находились в непростых отношениях.

На посту начальника ГРУ Серов уже не пользовался былым влиянием. Да и сотрудниками военной разведки он воспринимался как инородное тело. «Он умеет арестовывать, допрашивать и расстреливать», – говорили они о Серове. На него посыпались кляузы. В январе 1960 года в ЦК КПСС на имя Хрущева поступила жалоба на «непартийное» поведение Серова, подписанная секретарем парткома ГРУ И. А. Большаковым. Серову инкриминировалось игнорирование работы парткома и его решений¹⁴⁷.

Не сложились у него отношения и с руководством Министерства обороны. Серова угнетала необходимость подчиняться одновременно и начальнику Генштаба, и министру обороны, тогда как еще недавно он считался ближайшим соратником Хрущева. Теперь их встречи были редки. Первый секретарь впервые принял Серова в качестве начальника ГРУ 31 декабря 1959 года. Встреча длилась всего 20 минут, Серов успел лишь вкратце изложить предложения об объединении разведывательных усилий ГРУ и КГБ. Хрущев их одобрил. После этого прошло несколько заседаний под председательством Сулова и с участием Брежнева, Малиновского и Шелепина, по итогам которых предложения Серова были выхолощены. ЦК КПСС решением от 7 апреля 1960 года вместо объединения заграничных аппаратов КГБ и ГРУ призвал лишь к координации их действий.

Но КГБ и ГРУ не только не координировали свои действия, но и соперничали, и зачастую радовались неудачам друг друга.

¹⁴⁴ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 95–96.

¹⁴⁵ Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. М., 2015. С. 494.

¹⁴⁶ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 257.

¹⁴⁷ Петров Н. В. Иван Серов – председатель КГБ. М., 2021. С. 410–411.

Как сознавался Семичастный, «между представителями Министерства обороны и КГБ существовало многолетнее противостояние. Причиной была военная контрразведка». Она была Третьим управлением КГБ и не подчинялась Министерству обороны. «Я не знаю ни одного генерала, который с радостью позволял бы заглядывать в его планы и приказы»¹⁴⁸.

Серов не без злорадства писал о череде измен и провалов в разведке КГБ в 1961 году. «В 1961 году изменил Родине офицер КГБ, который вместе с женой ушел в Западную Германию сразу же после награждения его орденом Красного Знамени “за выполнение особого задания”. Затем изменил Родине подполковник КГБ, работавший резидентом в Финляндии, который вместе с женой и ребенком ушел к американцам»¹⁴⁹. Речь шла о Богдане Сташинском, награжденном орденом за убийство Степана Бандеры в Мюнхене в 1959 году, и о сотруднике резидентуры КГБ в Хельсинки А. М. Голицыне. Сожалел Серов только о том, что у Шелепина «не упал ни один волос с головы за эти провалы»¹⁵⁰.

В июне 1961 года было созвано совещание руководителей КГБ и ГРУ с участием и некоторых резидентов. «Тем не менее заметного улучшения отношений не произошло. В ГРУ по-прежнему смотрели на КГБ как на контролирующую организацию. И действительно, военная контрразведка КГБ и ее особые отделы имели прямые обязанности надзирать за ГРУ, так как они являлись неотъемлемой частью Советской армии, а за армией чекисты следили всегда»¹⁵¹.

В октябре 1961 года Серов участвовал в работе XXII съезда КПСС лишь в качестве делегата с совещательным голосом. Его не оставили в ЦК нового созыва. Зато Шелепин пошел на повышение, став секретарем ЦК, а затем и председателем Комиссии партийного контроля ЦК КПСС.

С 13 ноября 1961 года во главе КГБ оказался бывший руководитель украинского и советского комсомола Владимир Ефимович Семичастный, представитель хрущевского молодняка, не имевший до этого какого-либо опыта работы в спецслужбах.

О Семичастном Серов писал, что «характерная особенность у нынешних молодых руководителей – это показная любезность и внутреннее враждебное поведение... Откуда эта гадость у них взялась». В другом месте воспоминаний Серов называл Семичастного «наглым ничтожеством»¹⁵². «Дело Пеньковского», о котором речь пойдет ниже, еще больше рассорит КГБ и ГРУ.

В целом в годы правления Хрущева роль и самостоятельность военно-силового и внешнеполитического истеблишмента в системе советской власти была резко понижена. Был принят новый принцип: руководители силовых структур – военного ведомства и КГБ, министр иностранных дел – не должны входить в состав Президиума ЦК.

В высших военных и дипломатических кругах не осталось никого, кто мог бы сказать «нет» Хрущеву в его начинаниях.

Устранение «антипартийной группы» сделало Хрущева беспрекословным единоличным правителем. Байбаков замечал изменения в стиле руководства: «После того как Пленум ЦК вывел из состава Президиума Молотова, Маленкова, Кагановича, власть Хрущева неимоверно усилилась, ему уже никто не мешал верховодить, принимать важные государственные решения келейно, в узком кругу. Хрущев отвергал все, что хоть как-то могло затмить его роль в руководстве партией и страной... Хрущев стал делать то, что ему хотелось»¹⁵³.

¹⁴⁸ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 214.

¹⁴⁹ Петров Н. В. Иван Серов – председатель КГБ. М., 2021. С. 582.

¹⁵⁰ Серов И. А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 558–559.

¹⁵¹ Петров Н. В. Иван Серов – председатель КГБ. М., 2021. С. 414.

¹⁵² Серов И. А. Записки из чемодана... М., 2016. С. 562, 572.

¹⁵³ Байбаков Н. К. Собрание сочинений. Т. 5. М., 2011. С. 276.

В 1958 году Хрущев совместил посты главы партии и правительства, став еще и председателем Совета Министров СССР.

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров подтверждал: «Манера Хрущева держаться уже в 1959 году была совсем иной, чем та, которую я наблюдал на заседаниях Политбюро в 1953–1955 годах... Тогда он явно старался быть в тени. Теперь же с видимым удовольствием был на первом плане, задавал выступающим острые вопросы, иногда перебивал их, давая часто понять, что последнее слово принадлежит ему. На меня он тогда произвел впечатление умного, истинно крупного человека, быть может чересчур самонадеянного и податливого на лесть... и с недостатком общей культуры...»¹⁵⁴

Интересно, но очень похожую мысль высказал известный итальянский журналист, много лет проработавший в Москве спецкором «Униты», и политик Джузеппе Боффа: «Наслоения заимствований из прошлого опыта развития Советского Союза приводили к тому, что для манеры мышления Хрущева был характерен явный эклектизм в том смысле, что различные моменты этого исторического опыта складывались в его суждениях в причудливые комбинации, не будучи подвергнуты отбору зрелого осмысления, который характерен для подлинной культуры мысли. Одна черта поражала многих, кто близко знал этого человека: в его культуре сочетались и чередовались озарения острой и могучей мысли и тяжелые пробелы невежества, элементарные, упрощенные представления и способность к тончайшему психологическому и политическому анализу»¹⁵⁵.

Петр Ефимович Шелест – один из руководителей компартии Украины – запишет в дневнике в январе 1960 года: «К сожалению, но факт – постепенно создается культ Хрущева, и в этом прежде всего повинны наши идеологи и пропагандисты из центра. Откуда идет вся эта “кислая закваска”. Больше всех стараются Суслов и Пономарев, да не отстают и другие “деятели”. Очевидно, придет время, и будем снова говорить о культе и разоблачать его. Во что же остается верить?»¹⁵⁶

Вторым человеком в стране становилась новая фигура – Фрол Романович Козлов. На 14 лет моложе Хрущева, он начал трудовой путь разнорабочим на текстильной фабрике, затем окончил политехнический институт с дипломом инженера-металлурга. В 1939 году стал парт-оргом металлургического завода, а с 1940-го и почти до конца войны работал секретарем горкома партии в Ижевске, одном из главных центров оборонной промышленности. Поработав в аппарате ЦК партии, Козлов отправился вторым секретарем в Куйбышевский обком, а в 1950 году – сразу первым в Ленинградский горком. С 1953 года в его подчинении оказывается уже не только вторая столица, но и вся Ленинградская область. В 1958 году Козлов стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, то есть самого Хрущева. С 1960 года еще и секретарем Центрального Комитета КПСС, де-факто вторым¹⁵⁷.

Микоян был о нем весьма низкого мнения: «Козлов был неумным человеком, просталински настроенным, реакционером, карьеристом и нечистоплотным к тому же. Интриги сразу заменили для него подлинную работу. Вскоре после того, как Хрущев перевел его в Москву из Ленинграда, выведя из-под острой критики и недовольства им Ленинградской партийной организации, роль Козлова, введенного в ЦК КПСС, стала возрастать. Он был большой подхалим. Видимо, разгадал в Хрущеве слабость к подхалимам...»¹⁵⁸

¹⁵⁴ Сахаров А. Д. Воспоминания. Полное издание в одном томе. М., 2019. С. 215.

¹⁵⁵ Цит. по: Аджубей А. И. Те десять лет. М., 1989. С. 307–308.

¹⁵⁶ Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2016. С. 148.

¹⁵⁷ Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 201

¹⁵⁸ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 658.

«Хрущев же не просто любил, а обожал ездить за границу»¹⁵⁹, – замечал Бурлацкий. 13 июля 1959 года журнал «Тайм» поместил фотографию Козлова с вопросом «Не он ли сменил Хрущева?» А в Советском Союзе в этом никто и не сомневался. Фрол Романович и так правил во время многочисленных отлучек Хрущева по стране и миру.

География зарубежных визитов Хрущева была впечатляющей. Польшу, Венгрию, Болгарию, Румынию, ГДР, Чехословакию, Монголию он посещал чуть ли не ежегодно. Кроме того, он побывал в Китае, дважды во Франции, дважды в США, в Югославии, Польше, ГДР, Швейцарии, Иране, Гане, Индонезии, Гвинее, Афганистане, Судане, Египте, Алжире, Бирме, Таиланде, Индии, несколько раз в Финляндии и это еще не все. Хрущев предпочитал многодневные визиты, с осмотром достопримечательностей, посещением заводов, ферм, университетов, концертов, катаниями на слоне. А затем следовали ответные визиты, и Хрущев уделял много времени встречам с каждым из гостей. Были еще многочисленные поездки по стране и встречи с трудящимися. Так что у Козлова находилось время поруководить страной¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 177.

¹⁶⁰ Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 82–84.

Ракетно-ядерный щит

Уверенность Хрущева в собственных силах заметно выросла и в результате впечатляющих успехов в создании советского ракетно-ядерного щита.

Его, как и Эйзенхауэра с Джоном Фостером Даллесом, все больше вдохновляла идея большего упора на средства ядерного сдерживания, что помимо прочего помогло бы сократить расходы на обычные вооружения, в чем Хрущев стремился.

Хрущев был сторонником идей разоружения и сокращения советской военной машины. Он считал, что СССР, располагая уже достаточно большим потенциалом ответного ракетно-ядерного удара, мог позволить себе гораздо более компактные вооруженные силы. Реформа управления экономикой, связанная с созданием совнархозов, привела к децентрализации управления оборонной промышленностью, часть военного производства передавалась гражданским предприятиям.

Армия в итоге была сокращена с пяти с лишним до двух с половиной миллионов человек. Была ликвидирована советская военно-морская база в Финляндии, выведены войска из Китая, вдвое сокращена группа войск в ГДР.

Именно годы пребывания Хрущева у власти привели к сплочению военно-промышленного комплекса как корпоративной группы, которая совместными усилиями боролась против сокращения оборонных расходов.

Большое влияние на него оказали встречи с Сергеем Павловичем Королевым, который продемонстрировал ему возможность создать средства доставки ядерного оружия до территории США. На тот момент наша немногочисленная стратегическая авиация дотягивала до американских союзников в Западной Европе и до Аляски, но не более того.

«Отец пришел в восторг от того, что он увидел у Королева, – рассказывал сын Хрущева Сергей, сам инженер-ракетчик. – Наконец-то проклятая проблема, казалось, находила решение. Противостояние американцам, с чувством полнейшей безнаказанности окружившим нашу страну своими базами, становилось не только в принципе возможным, но осуществимым в ближайшем будущем. Пусть сегодня им кажется, что они могут позволить себе делать что ни заблагорассудится: засылать шары с разведывательной аппаратурой, самолеты, устраивать маневры в опасной близости от наших границ. Долго мы этого не потерпим. Мы заставим относиться к себе с уважением, а тогда и разговоры о разоружении пойдут на другой, куда более серьезной основе. Переговоры равного с равным значительно эффективнее, чем сильного со слабым»¹⁶¹.

В августе 1955 года правительство заявило о сокращении численности вооруженных сил на 640 тысяч человек. Хрущев, поддержанный Жуковым и вопреки возражениям адмирала Кузнецова, решил отказаться от программы наращивания военно-морского флота, сочтя его анахронизмом в эпоху ядерного оружия¹⁶².

На следующий год Сергей Павлович стал руководителем крупнейшего проектно-конструкторского предприятия с мощным КБ, проектными, экспериментальными и технологическими подразделениями и крупного опытного завода. Хрущев возложил на новую организацию и персонально на ее руководителя и одновременно Главного конструктора Королева основную роль в завершении работ по межконтинентальной ракете – Р-7, «семерке» – двухступенчатой с жидкостными ракетными двигателями конструкции Валентина Петровича Глушко, которая станет подлинным прорывом и в космонавтике, и в военном деле.

¹⁶¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 89.

¹⁶² Bromage B. Molotov: The Story of an Era. L., 1956. С. 240; Холловой Д. Сталин и бомба... Новосибирск, 1997. С. 432.

Полным ходом пошло строительство первоочередных объектов полигона в районе Байконура. Космодром построят в безлюдной казахстанской степи всего за два с половиной года в условиях сорокаградусной жары, сорокаградусных морозов и буйных ветров, военные строители¹⁶³.

В США внимательно отслеживали оборонные возможности и ракетную программу Советского Союза. Аллен Даллес рассказывал: «В 1954 году были получены сведения, что Советский Союз начал производство межконтинентальных тяжелых бомбардировщиков дальнего радиуса действия, сравнимых с нашими “Б-52”... Производство самолетов не увеличивалось столь быстро, как мы предполагали. Стали накапливаться данные, что эксплуатационные качества бомбардировщика оказались низкими. Где-то в 1957 году советские лидеры приняли решение резко сократить производство таких самолетов. Однако появились данные об успешном развитии русской программы строительства межконтинентальных ракет, что, естественно, вызвало нашу озабоченность...»

В первые десять лет после окончания войны мы мало знали о советской ракетной программе... И лишь когда мы стали применять новые технические средства разведки, а с 1956 года получать фотоснимки с помощью самолетов U-2, в руки заждавшихся аналитиков начала поступать достоверная информация»¹⁶⁴.

Тем не менее советский космический прорыв не был предсказан американской разведкой.

21 августа 1957 года, сотрясая землю и воздух, Р-7 вновь уходит ввысь. Королев принимал поздравления министра обороны Жукова. Ракета поразила цель на Камчатке.

27 августа ТАСС сообщил об успешном запуске сверхдальней межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты. Специально для американской аудитории было добавлено: «Полет ракеты проходил на очень большой, еще до сих пор не достигнутой высоте... Полученные результаты показывают, что имеется возможность пуска ракет в любой район земного шара». Наиболее эффективное средство доставки ядерного оружия – межконтинентальная баллистическая ракета – впервые появилась на вооружении Советского Союза. Неуязвимость США уходила в прошлое.

Чтобы быть более доходчивыми, в Советском Союзе, в подмосковном ОКБ под руководством Романа Анисимовича Туркова, заместителя Королева, ударными темпами создавали три искусственных спутника Земли¹⁶⁵. Запуск первого из них 4 октября 1957 года вызвал в США эффект разорвавшейся бомбы: Эйзенхауэр признавал: «Советское научное достижение было впечатляющим. Могущество силы, способной поднять спутник такого веса, было полной неожиданностью для нас»¹⁶⁶.

Новая ситуация делала угрозу «массированного возмездия» нереалистичной. «Послевоенная эра кончается, – с разочарованием признавал вскоре после запуска спутника Уолтер Липпман, – величайшая реальность, с которой мы должны сейчас примирить наше мышление, заключается в том, что мы являемся равной, а не верховной силой»¹⁶⁷.

– Что обнаружат американцы, если когда-нибудь окажутся на Луне? – поинтересовался журналист у известного физика и создателя атомной бомбы Эдварда Теллера.

– Русских, – мрачно ответил тот¹⁶⁸.

¹⁶³ Романов А. Королев. М., 1990. С. 232–233.

¹⁶⁴ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 268–271.

¹⁶⁵ Романов А. Королев. М., 1990. С. 240–241.

¹⁶⁶ Eisenhower D. The White House Years. Waging Peace. 1956–1961. Garden City, 1965. P. 205.

¹⁶⁷ The New York Herald Tribune. February 4, 1958.

¹⁶⁸ Leuchtenberg W. The American President: From Teddy Roosevelt to Bill Clinton. Oxford, 2015. P. 356.

Самодовольная спесь с американцев слегка спала. Аллен Даллес признал: «В наше время Соединенным Штатам брошен вызов группой стран, проповедующих иную жизненную философию, другое мировоззрение, правительства которых настроены к нам враждебно. Это само по себе открытие не новое. Мы и раньше сталкивались с подобными вызовами. Теперь изменилось то, что мы впервые стоим лицом к лицу с противником, обладающим военной мощью и способным нанести разрушительный удар непосредственно по Соединенным Штатам. В век ядерных ракет это может быть сделано в течение часов и даже минут, причем на приведение в состояние готовности нам будет отпущен минимум времени»¹⁶⁹.

Однако американцы тут же ударились в другую крайность: началась паническая кампания по поводу «ракетного отставания» США, что требовало немедленного ответа в виде резкого увеличения военных расходов. И первую скрипку в этой кампании играли разведка, Пентагон и военно-промышленный комплекс.

США резко увеличили инвестиции в экономику знаний. Конгресс объявил состояние «чрезвычайной ситуации в образовании»: среди прочих шокирующих откровений выяснилось, что 75 % школьников не изучали физику вовсе. Белый дом ввел новую должность: специальный советник президента по вопросам науки и технологии. Через год Конгресс принял Закон об образовании в области национальной обороны¹⁷⁰. А за ним и Закон об авиации и исследовании космического пространства, в соответствии с которым было создано Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства (НАСА)¹⁷¹.

Американцы раскроют сверхсекретный объект на Байконуре, когда его еще называли по ближайшему населенному пункту Тюра-Тамом (а Байконуром, расположенным гораздо дальше, его назовут для конспирации). У-2, стартовавший с Пешаварского аэродрома в Пакистане, приземлился в Бодо в Норвегии. По фотографиям в ЦРУ удалось даже построить объемную модель полигона со всеми сооружениями¹⁷². Аллен Даллес был счастлив: «В определенной степени успех, достигнутый нашим самолетом-разведчиком, можно было бы сравнить лишь с добычей технической документации непосредственно из советских учреждений и лабораторий агентурным путем»¹⁷³.

Но Советский Союз создавал все больше поводов к тому, чтобы в Соединенных Штатах крепло ощущение «ракетного отставания». 2 января 1959 года первое рукотворное небесное тело – автоматическая станция «Луна-1» – навсегда покинуло поле земного тяготения. Чтобы вырваться из плена Земли, она летела со скоростью 11 км в секунду – на 3 км быстрее, чем та, что вынесла на орбиту первые спутники. Первый «Лунник» не попал в Луну, промчавшись в непосредственной близости от нее и став первой искусственной планетой в Солнечной системе.

Но уже 14 сентября 1959 года второй советский «Лунник» доставил на поверхность спутника Земли – в район Моря Ясности – вымпел с гербом Советского Союза. 7 октября человечество смогло впервые заглянуть на обратную сторону Луны, которую обогнула станция «Луна-3» и сорок минут ее фотографировала с расстояния в 60–70 тысяч километров. Расшифровка фотоснимков дала возможность выявить 107 объектов – кратеров, морей, талассоидов – и начать работу над лунным глобусом¹⁷⁴.

Каждый новый советский космический успех оборачивался в США все новыми обвинениями Эйзенхауэра в растущем «ракетном отставании». В числе наиболее ярых критиков был влиятельный сенатор от Массачусетса Джон Кеннеди.

¹⁶⁹ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 83.

¹⁷⁰ Гринспен А. Капитализм в Америке. История. М., 2020. С. 324.

¹⁷¹ Римини Р. Краткая история США. М., 2018. С. 361.

¹⁷² Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 185

¹⁷³ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 116–117.

¹⁷⁴ Романов А. Королев. М., 1990. С. 284–285, 295–296, 297–298.

На американском направлении

На самом же деле Соединенные Штаты вовсе не сидели сложа руки, а стремительно наращивали свой ракетно-ядерный потенциал. Биограф Эйзенхауэра Амброз утверждает: «Эйзенхауэру достался по наследству арсенал, состоящий из 1,5 тысячи ядерных устройств мощностью от нескольких килотонн до нескольких десятков мегатонн. Если в 1959 году в арсенале насчитывалось 6 тысяч или около этого атомных бомб, то это означает, что Комиссия по атомной энергии за шесть лет пребывания у власти администрации Эйзенхауэра произвела 4,5 тысячи атомных бомб, или более двух бомб за один день. Способность Америки нанести удар по России была устрашающей»¹⁷⁵. При этом, как отмечал генерал Тейлор, вопрос о том, как много ядерного оружия будет достаточно, никогда «не находил ответа с точки зрения стратегической необходимости, ответ давало только количество денег, выделяемого на него в бюджете»¹⁷⁶.

Взаимные опасения Москвы и Вашингтона создавали почву для переговоров по контролю над вооружениями. Начались переговоры о запрещении ядерных испытаний, хотя оставались принципиальные вопросы, по которым договориться не получалось. Главным среди них был вопрос о контроле за соблюдением соглашения о подземных испытаниях малой мощности, для обнаружения которых американцы требовали создания большого количества наблюдательных пунктов на территории нашей страны. Советские представители, ведущим из которых был Громыко, считали, что эти пункты окажутся лишь центрами шпионажа.

Американское военное руководство, правые политики от обеих партий, большинство СМИ, значительная часть экспертов, особенно сам Теллер, считали переговоры бесперспективными и настаивали на возобновлении испытаний и укреплении военной мощи страны. В годы президентства Эйзенхауэра Пентагон и так съедал 6 из каждых 10 федеральных долларов, а вооруженные силы выросли до 3,5 млн. человек¹⁷⁷.

Но на заседаниях СНБ от президента беспрестанно требовали увеличить военные расходы. Эйзенхауэр по мере сил сопротивлялся этому давлению, поддерживаемый и новым госсекретарем, опытным дипломатом Кристианом Гертером, назначенный на этот пост в 1959 году после смерти Джона Фостера Даллеса. Когда военные запросили шесть новых подводных лодок с ракетами «Поларис» на борту, Эйзенхауэр даже поинтересовался:

– Сколько раз мы должны уничтожить Россию?¹⁷⁸

К концу 1950-х годов Соединенные Штаты располагали более чем миллионом солдат в тридцати странах, состояли в четырех оборонительных союзах и активно участвовали в пятом, имели соглашения о взаимной обороне с 42 странами, являлись членом 53 международных организаций и предоставляли военную и/или экономическую помощь почти сотне стран по всему земному шару¹⁷⁹.

И США не желали терпеть ослабление своего влияния где бы то ни было. Особенно болезненно в Вашингтоне воспринимали перспективу утраты своих позиций в Берлине, который был разделен на зоны оккупации СССР, США, Англии и Франции и вокруг которого постоянно возникали конфликты. Киссинджер замечал: «Поразительно, но несмотря на совершенно оче-

¹⁷⁵ Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 449.

¹⁷⁶ Taylor M. Swords and Plowshares. N.Y., 1972. P. 172.

¹⁷⁷ Гринспен А. Капитализм в Америке. История. М., 2020. С. 325.

¹⁷⁸ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С.342.

¹⁷⁹ Steel R. Pax Americana. N.Y., 1977. P. 134.

видный четырехсторонний статус города, не были выработаны не вызывающие двусмысленных толкований договоренности по доступу в город»¹⁸⁰.

Хрущеву явно претило западное присутствие в центре ГДР. «Хрущев не мог понять, почему Соединенные Штаты и их союзники по НАТО так упорно сопротивляются дипломатическому признанию ГДР и в целом закреплению послевоенных границ, – писал Бурлацкий. – Он видел в этом не только проявление традиционной для американцев политики силы, но и недооценку советской мощи... Именно в Германии были сосредоточены самые большие вооруженные силы НАТО и Варшавского договора. Поэтому Берлин был своеобразным барометром международного климата»¹⁸¹.

В советской ноте от 27 ноября 1958 года содержалось требование к западным державам в течение шести месяцев начать переговоры о заключении мирного договора с Германией и придании Западному Берлину статуса «вольного города». В случае отказа Москва грозила подписать сепаратный мирный договор с ГДР и передать правительству Вальтера Ульбрихта свои права на соблюдение особого статуса Берлина и гарантии доступа представителей западных держав в Западный Берлин. В марте 1959 года на территории ГДР были размещены два советских ракетных дивизиона, оснащенных ядерными боеголовками.

Американцы и англичане еще готовы были в принципе обсуждать эти вопросы, но германский канцлер Конрад Аденауэр и французский президент де Голль категорически возражали против каких-либо переговоров, способных изменить статус Берлина¹⁸².

Но вот прошел срок объявленной Хрущевым даты подписания мирного договора с ГДР – 27 мая, – но ничего не произошло. На следующий день Эйзенхауэр встретился с Громыко, прибывшим в Вашингтон на похороны Джона Фостера Даллеса. Президент пригласил советского министра на ланч в Белый дом, где говорил о необходимости найти пути «к лучшему состоянию наших отношений»¹⁸³.

В июле 1959 года в Москву прилетел вице-президент США Ричард Никсон. Его сопровождали брат президента Милтон Эйзенхауэр и адмирал Хаймэн Риквер, отец американского атомного подводного флота. В аэропорту их встречал Фрол Козлов. Встречи в Кремле начались в кабинете Ворошилова, председателя Верховного Совета, потом гостя отвели в кабинет Хрущева. Когда американцы вошли, Никита Сергеевич демонстративно рассматривал модель спутника, отправленного на Луну. «Я чувствовал, что он находится в раздраженном состоянии, – вспоминал Никсон. – Он все время оглядывал меня с ног до головы, как портной может оглядывать клиента, чтобы сшить ему костюм, или, скорее, как похоронных дел мастер оглядывает будущего покойника, чтобы подобрать ему гроб».

Хрущев был недоволен тем, что американский Конгресс принял резолюцию в поддержку стран, «порабощенных Советским Союзом».

– Эта резолюция воняет! – восклицал он, стуча по столу.

24 июля 1959 года состоялись знаменитые «кухонные дебаты». Хрущев сам приехал на открытие американской выставки в Сокольниках. Он заговорил о том, что Советский Союз желает жить в мире, но готов защитить себя в случае войны. Обещал, что Советский Союз через семь лет достигнет уровня развития Соединенных Штатов:

– Когда мы догоним вас и станем вас обгонять, мы помашем вам рукой. Если вы захотите, мы остановимся и скажем – пожалуйста, догоняйте нас.

Никсон козырял изобилием бытовых товаров, производимых в Америке. Хрущев ответил, что лучше иметь одну модель стиральной машины, чем много разных.

¹⁸⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2021. С. 554.

¹⁸¹ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 194–195.

¹⁸² Nitze P. From Hiroshima to Glasnost... N.Y., 1989. P. 196.

¹⁸³ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 351.

Никсон заметил:

– Не лучше ли сравнивать качества наших стиральных машин, чем мощь наших ракет? Разве не такого соревнования вы хотите?

– Да, мы хотим такого соревнования! – согласился Хрущев. – Это ваши генералы кричат о ракетах, а не о кухонной утвари, это они грозят нам ракетами, это они хорохорятся, что могут стереть нас с лица земли. Но этого мы, конечно, никому не позволим сделать. А тем, кто попытается, мы покажем, как говорят у нас в России, кузькину мать. Мы сильны, мы можем побить вас¹⁸⁴.

Никсон передал советскому лидеру приглашение Эйзенхауэра посетить США в сентябре.

«Признаюсь, я сначала даже не поверил, – скажет Хрущев. – Это произошло так неожиданно, мы вообще не были подготовлены к этому. Наши отношения были тогда столь натянутыми, что приглашение с дружеским визитом главы Советского правительства и Первого секретаря ЦК КПСС казалось просто невероятным! Но факт оставался фактом: Эйзенхауэр пригласил правительственную делегацию, и я ее возглавлял»¹⁸⁵.

22 июля поступил ответ Хрущева: он собирался совершить десятидневную поездку и побывать в различных районах страны. Еще до визита были подписаны соглашения о расширении экономического и культурного обмена, о спортивных контактах. В августе 1959 года ядерные ракеты из ГДР были выведены на советскую территорию.

Руководители европейских стран были настолько обеспокоены предстоявшим визитом Хрущева в США, что Эйзенхауэр, дабы развеять их опасения касательно возможного сговора с СССР, предпринял в конце августа турне с посещением Бонна, Лондона и Парижа, где заверил Аденауэра, Макмиллана и де Голля, что переговоры с советским лидером никак не угрожают атлантической солидарности¹⁸⁶.

В октябре 1959 года состоялся первый в истории визит советского лидера в США, который стал самой высокой точкой в отношениях СССР и Запада за все десятилетие правления Хрущева. Киссинджер замечал: «Советский правитель путешествовал по Соединенным Штатам с 15 по 27 сентября 1959 года, вызвав такую же общественную эйфорию, которую породила четырем годами ранее Женевская встреча на высшем уровне. И вновь встреча двух глав правительств подчеркнула собственно атмосферу, нежели суть, как это символизировалось лозунгом “дух Кэмп-Дэвида”... Чаше всего положительным следствием визита называлось то, что советский лидер предположительно лучше узнает пригласивших его хозяев»¹⁸⁷.

18 сентября Хрущев выступил в Нью-Йорке на заседании Генеральной Ассамблеи ООН с предложением о полном разоружении всех государств в течение четырех лет, заявил о готовности продолжать переговоры по проблеме запрещения ядерных испытаний. 25–27 сентября Хрущев гостил у Эйзенхауэра в Кэмп-Дэвиде. Президент и его семья тут же получили приглашение посетить СССР в следующем году.

На пленарном заседании XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Хрущев вынес на рассмотрение Декларацию о всеобщем и полном разоружении. 21 ноября было подписано советско-американское соглашение о научно-культурном обмене, 1 декабря – договор об использовании Антарктики в мирных целях.

Перед ответным визитом Д. Эйзенхауэра в Москву решено было созвать конференцию четырех государств на высшем уровне в Париже.

В 1959 году в частной беседе Эйзенхауэр, при котором ракеты среднего радиуса «Юпитер» с ядерными боеголовками были установлены в Турции, заметил, что «в военном отноше-

¹⁸⁴ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 370–373.

¹⁸⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 470.

¹⁸⁶ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 353.

¹⁸⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2021. С. 567.

нии эти действия можно приравнять к размещению советских ракет средней дальности на Кубе или в Мексике». Он также признавал, что если бы подобным образом повел себя Советский Союз, США сочли бы необходимым прибегнуть к военной силе». Эйзенхауэра удивляло, что Хрущев во время визита в США не выражал протестов по этому поводу.

Напротив, вдохновленный визитом Хрущев фонтанировал все новыми мирными инициативами. На заседании Президиума ЦК 1 февраля 1960 года он предлагал:

– Мы сейчас завоевали очень высокое признание ракетной страны с ядерными зарядами. Мы внесли предложение, остановившись на завершающем этапе разоружения. Поэтому нас стараются упрекнуть, что мы де, мол, не сокращаем вооружение, а перевооружаемся на новом, более высоком техническом уровне, сохраняем ядерное оружие и ракеты с тем, чтобы весь мир держать под ударом ракет.

Давайте иметь запасную позицию: мы готовы в первую очередь начать разоружение за счет уничтожения ракет, ядерного вооружения бомбардировочной авиации и ликвидации военных баз на чужих территориях. Это, собственно, разоружение всех военных союзов, потому что – что значит ликвидировать базы? Это полетят НАТО, СЕАТО, СЕНТО. А этого нам и надо, это наша заветная мечта...

Я считаю, что эта позиция найдет отклик у американского обывателя. Ведь он сейчас дрожит – первый раз в жизни начал дрожать, потому что появились баллистические ракеты, появилась межконтинентальная ракета, которая может достигнуть американских городов.

– Им на голову может бомба упасть, – согласился Микоян. – Такого еще не было¹⁸⁸.

Но западные страны не спешили разоружаться. 13 февраля 1960 года прошло первое испытание французской атомной бомбы. «Франция сумела доказать, что она способна самостоятельно, без иностранной помощи, совершить ряд научных, технических и промышленных подвигов, необходимых для создания атомного оружия, потому что – увы! – это было необходимо, и что она действительно обрела свою независимость»¹⁸⁹, – с удовольствием писал де Голль в мемуарах.

Впрочем, это не помешало официальному визиту Хрущева во Францию 23 марта – 3 апреля, когда были заключены соглашения о сотрудничестве СССР и Франции в области торговли, науки и культуры. И впервые между СССР и западной страной было подписано соглашение по атомным вопросам¹⁹⁰.

Мирные инициативы Москвы планировалось обсудить на саммите четырех великих держав в Париже. Однако возникли новые обстоятельства. Американцы для чего-то под саммит активизировали полеты U-2. 16 апреля самолет разведки, миновав советские системы ПВО, благополучно пролетел над территорией СССР, что вызвало взрыв негодования Хрущева.

И еще больший взрыв вызвало известие о новом полете, которое Хрущев получил, собираясь на Первомайский парад на Красной площади: «Когда 1 мая рано утром раздался звонок (а я отлично помню этот день) и я поднял трубку, министр обороны Малиновский доложил мне:

– Со стороны Афганистана, явно из Пакистана, американский самолет U-2 следует в сторону Свердловска.

Я ответил:

– Надо отличиться и сбить этот самолет!

– Да, я уже отдал приказ, будет сделано все возможное, чтобы его сбить, – ответил Родион Яковлевич»¹⁹¹.

Шпионский рейд в праздничный день был бесспорной провокацией.

¹⁸⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2015. С. 439–440.

¹⁸⁹ Голль Ш. де. Мемуары надежд. Обновление, 1958–1962. М., 2000. С. 198.

¹⁹⁰ Корсакова Н. Л. Французская дипломатия и Кубинский кризис. М., 2006. С. 61.

¹⁹¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 581–582.

Для полета U-2 –24-го по очереди – был выбран ранее уже опробованный маршрут: из пакистанского Пешавара в Тюра-Там, оттуда, сфотографировав по ходу насколько военных аэродромов, к Свердловску, точнее, Челябинску-40, комбинату «Маяк», центру атомной промышленности. Далее – Плесецк, где, по данным ЦРУ, строилась стартовая площадка для межконтинентальных ракет, Северодвинск с его судоверфями, где строили атомные подводные лодки, и Североморск, главная база Северного флота. Оттуда – на аэродром Бодо в Норвегии. За штурвалом сидел опытный пилот Фрэнсис Гэри Пауэрс, ранее летавший над СССР. Пройдя над Тюра-Тамом, его U-2 на высоте двадцати километров взял курс на Свердловск.

И здесь впервые для американцев коса нашла на камень. Расчету противовоздушной обороны майора Воронова наконец-то удалось то, что никому не удавалось до него. В 8.53 по московскому времени в небе вспыхнула огненная точка, и через несколько секунд до земли донесся негромкий хлопок взрыва. Цель исчезла с экранов радаров. Пауэрсу повезло. Пущенная Вороновым зенитная ракета С-75 не попала в самолет, она взорвалась чуть сзади. Самолет не взорвался, у него оторвало крылья.

Приземлившегося на парашюте Пауэрса подобрал водитель проезжавшего мимо «Москвича», который и отвез американского шпиона в контору совхоза. Там с него сняли необходимый для высотных полетов скафандр. Вскоре подоспели бойцы Воронова и сотрудники местного КГБ, которые увезли Пауэрса в Свердловск¹⁹².

На Красной площади парадные колонны военной техники уже сменились демонстрантами. «День стоял прекрасный, солнечный, – запомнил Хрущев. – Демонстрация проходила с большим подъемом, настроение у всех было очень радостное. Вдруг появился маршал Бирюзов, который тогда командовал противовоздушной обороной страны... Бирюзов на ухо доложил мне, что самолет U-2 сбит, а летчика взяли в плен, сейчас его допрашивают»¹⁹³. Бирюзов выслушал поздравления и с высоко поднятой головой отошел к другим военачальникам на правое крыло трибуны.

Сергей Хрущев вспоминал: «Отец приехал после праздника домой чрезвычайно довольный. Он ощущал себя наконец-то отомстившим давнему обидчику... Он решил поиграть с американцами в прятки, не сообщать поначалу об уничтожении самолета, подождать, что они начнут выдумывать, а уж затем, разоблачив их, отыграться за все годы унижения... Отец рассчитывал: когда он докажет, что U-2 нарушил нашу границу, президенту придется извиниться за своих подчиненных»¹⁹⁴.

Первое желание официального Вашингтона – отмолчаться. Что он и делал. Хрущев продолжил игру. В выступлении перед Верховным Советом он сообщил только о факте нарушения нашей границы и сбитии самолета советскими ПВО. Американцам пришлось вступить в игру, сделав ответный ход. В сообщении Госдепартамента, затем развитом и уточненном НАСА, говорилось, что «один из самолетов типа U-2, предназначенный для научно-исследовательских целей... пропал без вести... когда его пилот сообщил, что он испытывает затруднения с кислородом и находится над озером Ван в районе Турции».

Хрущев готов был продолжать игру, которая явно доставляла ему удовольствие. Однако все испортил замминистра иностранных дел Яков Александрович Малик, который в подпитии на приеме проболтался, что Пауэрс жив и его допрашивают, послу Швеции, который немедленно перезвонил послу США. КГБ это отследило. Продолжать игру больше не имело смысла.

Хрущев взял слово в заключительный день работы Верховного Совета, и по пунктам опроверг американскую версию с «исследовательским самолетом над Турцией». Для убедительности привел выдержки из допроса Пауэрса. «Мы приказали доставить обломки самолета

¹⁹² Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 312–316.

¹⁹³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 582.

¹⁹⁴ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 318–319.

в Москву для публичного обозрения в Парке культуры и отдыха имени Горького, – вспоминал Хрущев. – Народ валом валил, чтобы не только посмотреть, но и пощупать эти обломки... Я решил поехать на выставку: меня тянуло посмотреть... Собралась различная публика, набегали иностранные корреспонденты, да и наши там присутствовали. После осмотра корреспонденты стали задавать мне вопросы. Я вынужден был высказаться напрямую. Беседа с ними доставила мне удовольствие, так как у меня было желание еще раз выразить свое возмущение и заклеить агрессора»¹⁹⁵.

Теперь уже американцам было невозможно отрицать очевидное. Аллен Даллес рассказывал о моральных терзаниях в Вашингтоне: «Еще более серьезным был вопрос об ответственности правительства. Для исполнительной власти занять позицию, что подчиненные ей лица подготовили и провели, мол, на свой собственный страх и риск такую операцию без санкции сверху было бы равносильно признать безответственность правительства, отсутствие контроля за действиями нижестоящих учреждений, чреватых крупным ущербом для нашей национальной политики. Согласитесь, правительство попало бы в труднейшее положение. Попытка замолчать все это дело, по моему мнению, не имела никаких шансов на успех и была бы равносильной нашему признанию совершившегося факта»¹⁹⁶.

Президент инстинктивно стремился дистанцироваться от инцидента.

7–8 мая последовали сумбурные заявления Госдепартамента и Министерства обороны, которым мало кто поверил. Известный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон замечал: «Столица выглядит печальной, сбитой с толку в водовороте обвинений по адресу администрации в некомпетентности и недобросовестности... США поймали, когда они занимались шпионажем над СССР, а затем попытались скрыть это, выпустив вводящие в заблуждение официальные заявления»¹⁹⁷.

Первым удар на себя принял председатель подкомитета Палаты представителей по разведке Кларенс Кеннон, одновременно подставивший и Эйзенхауэра. Кеннон 10 мая заявил:

– Самолет выполнял официально разрешенную шпионскую миссию. Расходы на нее покрывались из фонда, утвержденного Конгрессом по рекомендации бюджетного комитета. Операция была одобрена Федеральным бюджетным бюро и получила согласие президента США.

Кеннон рассказал также, что полеты над территорией Советского Союза начались еще четыре года назад:

– Мы убедительно продемонстрировали, что свободные люди перед лицом угрозы самого жестокого и преступного деспотизма в состоянии, не нарушая конституции Соединенных Штатов, защитить свою страну и сохранить мировую цивилизацию¹⁹⁸.

На следующий день – 11 мая – Эйзенхауэр провел пресс-конференцию. Ответы на вопросы он предварил заявлением:

– Разведка является неприятной, но жизненной необходимостью.

«Тем самым впервые в истории высшим государственным деятелем было признано, что его страна занимается шпионской деятельностью, что он осведомлен о ней, одобряет ее и руководит ею»¹⁹⁹, – пишут российские биографы Эйзенхауэра. А его американский биограф Элтон Ли считал: «Соединенные Штаты были пойманы на шпионаже, вралли об этом, а потом только усугубили ошибку, изменив политические заявления на обратные»²⁰⁰.

¹⁹⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 583, 585.

¹⁹⁶ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 323–324.

¹⁹⁷ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 362–363.

¹⁹⁸ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 422–424.

¹⁹⁹ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 363.

²⁰⁰ Alton Lee R. Dwight D. Eisenhower. Soldier and Statesman. Chicago, 1981. P. 314.

Хрущев кипел от негодования: «Явно неразумное выступление, если не сказать больше. Глупое выступление. Но оно состоялось. Так президент сам лишил себя возможности выгородиться из пикантной истории перед встречей в Париже... Нас буквально распирало возмущение, и мы использовали все публичные возможности для разоблачения агрессивной линии. Теперь мы не щадили и президента, потому что он сам подставил свой зад, и мы раздавали американцам пинки, сколько угодно и как только возможно».

Приближалось время Парижского саммита. Для президента Шарля де Голля это был момент долгожданного возвращения Франции на центральное место в мировой политике. «Это был настоящий реванш после унижений, нанесенных Франции в Ялте и Потсдаме: Франция, приглашающая другие великие державы на совещание в Париже, таким образом становилась “столицей великих держав”, организующей их встречи на высшем уровне! – пишет президент Французской Академии Элен Каррер д’Анкос. – Все силы прилагались, дабы обеспечить успех Парижской конференции»²⁰¹. Хрущев испортит обедню.

«Наступил день отлета, – вспоминал Хрущев. – Мы отправились в Париж на самолете Ил-18, очень хорошо и по внешнему виду, и по техническим качествам... Нам нанесено оскорбление, а мы идем на совещание? И во мне созрела мысль: пересмотреть первоначальную направленность наших документов, особенно декларации, с которой мы хотели выступить при открытии встречи. Надо поставить США ультимативные условия: они должны извиниться за нанесенные нашему государству оскорбления. Нужно потребовать от президента взять обратно свое заявление, в котором он оставлял за США право на разведывательные полеты над чужими территориями, чего суверенные государства никому делать не позволяют... Мы не отказались от совещания при условии, если США в лице президента извинятся за допущенное ими нарушение суверенитета нашей великой Родины – Советского Союза. Помимо принесения извинений президент должен отказаться от своего заявления и дать нам заверения, что разведывательные полеты над территорией СССР впредь не будут производиться»²⁰².

Бурлацкому было известно, что «уже перед самым вылетом в Париж Хрущев собрал на аэровокзале заседание Президиума ЦК КПСС и предложил отменить все подготовленные ранее предложения и документы, мотивируя тем, что обстановка для соглашения неблагоприятна со всех точек зрения. Огромный труд дипломатов, партийных работников, военных и других служб, затраченный на проработку советских позиций, пошел насмарку»²⁰³.

До начала совещания Хрущев встретился с де Голлем и Макмилланом. «Я высказал им обоим свое недовольство позицией США, свою непримиримость. Де Голль и Макмиллан убеждали меня не требовать извинений: США – великая страна, ее президент не может делать такое публичное заявление, и его нельзя вынуждать. Но я парировал сей аргумент, сказав, что мы тоже не маленькая страна, тоже считаем себя великой державой, тем более что мы не сможем согласиться, чтобы великая страна наносила оскорбления хотя бы и малым странам»²⁰⁴.

Хрущев по-настоящему разбушевался. «Сначала он проводит перед своим посольством на улице Гренель импровизированную пресс-конференцию, за которой следует многолюдная встреча с общественностью, превратившаяся в митинг, во дворце Шайо. Множество коммунистов и столько же антикоммунистов пришло, чтобы соответственно приветствовать и оскорбить его. Еще немного, и встреча с общественностью вылилась бы в драку. “Добродушный мужик” перевоплотился в разъяренного доктринера, выкрикивавшего:

²⁰¹ Каррер д’Анкос Э. Генерал де Голль и Россия. М., 2019. С. 103.

²⁰² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 585, 586–588.

²⁰³ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 183.

²⁰⁴ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 588.

– Если остатки фашистских недобитков будут “укать” против нас, как это делали гитлеровские разбойники, и будут опять готовить нападение, то мы их “укнем” так, что они костей не соберут!

Присутствие рядом с Хрущевым застывшего Малиновского заставляло поверить в эти угрозы»²⁰⁵.

Прилетев на саммит в Париж 14 мая, Эйзенхауэр узнал, что Хрущев уже сделал заявление: если президент не осудит шпионские полеты, не обещает прекратить их, не накажет виновных, Советский Союз откажется от участия в конференции. Президент немедленно заявил своей свите:

– Полагаю, никто не надеется, что я намерен ползти на коленях к Хрущеву.

Затем Эйзенхауэр встретился с де Голлем, который проинформировал, что в разговоре с ним Хрущев упомянул об американских военных базах в Турции и Японии, на которых базируются самолеты U-2 и по которым СССР мог бы нанести ракетный удар. На что Эйзенхауэр мрачно ответил:

– Ракеты могут лететь в обоих направлениях²⁰⁶.

На следующий день министр обороны США Томас Гейтс для чего-то привел в состояние боеготовности все американские вооруженные силы в мире²⁰⁷, что совсем лишило Хрущева остатков миролюбия.

Развязка наступила, как только утром 16 мая конференция открылась. «Зашли в зал, стали заходить туда и другие делегации, – вспоминал Хрущев. – Первой вошла делегация Англии. Мы поздоровались, и тут же вошла делегация США. Ее члены сразу же последовали на свои места и сели, поприветствовав нас наклоном головы. Мы это поняли так: “Вас видим, но руки не подаем, находимся в состоянии конфликта и даже психологической войны”.

Еще до начала совещания я обратился к президенту де Голлю за разрешением выступить с заявлением. Мы хотели предъявить свои ультимативные условия и от того, как примет их делегация США, зависело, будем ли мы принимать участие в совещании. Я зачитал заявление. Переводчик Суходрев все точно переводил...»²⁰⁸

Де Голль в качестве хозяина открыл конференцию. Закончив вступительную речь, он намеревался предоставить первое слово Эйзенхауэру, о чем было предварительно условлено. Но тут советский лидер уже не выдержал и потребовал слова себе. Де Голль взглянул на Эйзенхауэра. Тот утвердительно кивнул. Хрущев приступил к обвинительной речи в отношении обнаглевших американцев, все больше распаляясь. Де Голль повернулся к Суходреву и произнес:

– В этом помещении отличная акустика, мы все хорошо слышим председателя, ему нет смысла повышать голос.

Хрущев чуть понизил тон и подошел к завершению речи, не просто потребовав извинений:

– В создавшейся обстановке советские люди не смогут принять президента США с должным гостеприимством.

То есть аннулировал приглашение Эйзенхауэру посетить СССР.

Эйзенхауэр ответил, что, если его не ждут в Советском Союзе, об этом можно было просто сказать. Он отказался извиниться за полеты U-2, но заявил, что не собирается их возоб-

²⁰⁵ Каррер д'Анкос Э. Генерал де Голль и Россия. М., 2019. С. 105–106.

²⁰⁶ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 364.

²⁰⁷ Alton Lee R. Dwight D. Eisenhower. Soldier and Statesman. Chicago, 1981. P. 315.

²⁰⁸ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 589.

новлять²⁰⁹. Хрущева это не устроило. Советская делегация поднялась с мест и направилась к дверям. Непонятно, кому это было нужно.

Де Голль и Макмиллан пытались добиться возобновления переговоров. «Инициативу в продолжении совещания проявил де Голль, – вспоминал Хрущев. – Через министра иностранных дел он передал нам, что три западные делегации соберутся без нашего участия, обсудят нашу декларацию и определят свое отношение к ней... Настроение у меня было боевое, наступательное и приподнятое, хотя я знал, что США не согласятся на горькую пилюлю, которую мы приготовили и заставляем их проглотить... Так у нас появился незапланированный свободный день... В Париже есть что посмотреть».

Эйзенхауэр твердо решил, что извиняться не станет, хотя французы и англичане его к этому подталкивали. Конференция завершилась, толком не начавшись. «Уже после того, как было решено, что совещание не состоится, я по долгу вежливости съездил к Макмиллану, – замечал Хрущев. – Тот не мог ни защищать позицию США, ни осуждать своего союзника и только доказывал, что мы слишком много потребовали: надо было принять во внимание положение президента, который не в состоянии извиняться публично... Мы любезно распрощались с Макмилланом. То была моя последняя встреча с ним. Потом я нанес визит генералу де Голлю... Я чувствовал, что де Голль больше сожалеет о случившемся»²¹⁰.

Хрущев даже не подозревал, насколько. 21 мая посол Франции в США Эрве Альфан записал в дневнике, что де Голль «плохо понимает, как такой великой страной, как Россия, может управлять столь вульгарный человек, который дает пресс-конференции в амбарах и на тротуарах, говорит, как извозчик, и пренебрегает собственным достоинством»²¹¹. Похоже, имелась в виду импровизированная пресс-конференция, которую Хрущев устроил 17 мая прямо на тротуаре у посольства СССР на улице Гренель.

«На этом закончился наш медовый месяц в отношениях с Соединенными Штатами»²¹², – констатировал Хрущев.

Отношения США и СССР вновь резко обострились.

В сентябре 1960 года Хрущев во второй раз поехал в Нью-Йорк. На сей раз, естественно, уже без приглашения со стороны Эйзенхауэра – как глава советской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Человек, не искавший легких путей, Хрущев решил отправиться в Америку морем. Вместе со всей делегацией 9 сентября он погрузился в Калининградском порту на лайнер «Балтика», который до известных событий носил имя «Вячеслав Молотов»²¹³. Путь занял десять дней, которые Хрущев провел, занимаясь делами, расслабляясь на палубе и потешаясь над членами делегации, страдавшими от морской болезни.

Американцы сделали все, чтобы продемонстрировать, насколько им неприятен визит Хрущева. Заранее уведомили, что советской делегации, включая главу партии и правительства, запрещается без специального разрешения покидать пределы даже не города Нью-Йорка, а его конкретного района – Манхэттена. В качестве места пребывания определили здание советской миссии при ООН.

Хрущев рвался в бой, намереваясь начать с самых злободневных вопросов, связанных с происками Соединенных Штатов и судьбами национально-освободительного движения.

Год 1960-й войдет в историю как год Африки, год триумфа национально-освободительных движений, которые с восторгом поддерживались Советским Союзом. Борьба против коло-

²⁰⁹ Alton Lee R. Dwight D. Eisenhower. Soldier and Statesman. Chicago, 1981. P. 315.

²¹⁰ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 590, 592.

²¹¹ Цит. по: Корсакова Н. Л. Французская дипломатия и Кубинский кризис. М., 2006. С. 62.

²¹² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 594.

²¹³ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 381.

ниализма облегчалась тем обстоятельством, что европейские метрополии сдавали свои глобальные позиции, а обе сверхдержавы – СССР и США – по разным причинам выступали против колониализма. Впрочем, у Америки это получалось похуже. «Как бы Америка ни отмежевывалась от европейского колониализма, – признавал Киссинджер, – оказалось, что американских руководителей, к величайшему их огорчению, воспринимают в развивающихся странах как полезных вспомогательных помощников из империалистического лагеря, но не как настоящих партнеров»²¹⁴. Так что для Советского Союза это была крайне выигрышная тема.

В первое послевоенное десятилетие антиколониальные выступления в Африке еще жестоко подавлялись – восстание Мау-Мау в Кении, волнения во Французском Камеруне, в Нигерии или на Юге Африки. В 1957 году британцы создали первый прецедент, предоставив независимость своей самой развитой колонии – Золотому Берегу, переименованному в Гану, которую возглавил Кваме Нкрума. В 1960 году сразу 17 колоний обрели независимость, а ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Совещание коммунистических и рабочих партий в конце года отметит, что «крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения представляет собой второе по своему историческому значению после образования мировой социалистической системы явление в современном мире... Народы Советского Союза, неизменно поддерживающие национально-освободительное движение, считают своим интернациональным долгом оказывать всемерную моральную и материальную поддержку народам, борющимся за избавление от империалистического и колониального гнета, за независимое национальное развитие»²¹⁵.

Но Африка моментально превратилась в поле для «холодной войны». Первый конфликт произошел в Конго. Эта бывшая колония Бельгии получила независимость в июне 1960 года. Однако почти сразу сепаратистские силы, поддержанные из Брюсселя и других западных столиц, бросили вызов правительству Патриса Лумумбы и захватили контроль над провинцией Катанга. ООН направила в Конго миротворцев, но те не спешили поддерживать правительство Лумумбы, и он обратился за помощью к США и СССР. Вашингтон, подозревавший Лумумбу в прокоммунистических симпатиях, напротив, поддержал его соперников. Помощь же Москвы ограничилась поставками вооружения, продовольствия и медикаментов, которые вскоре прекратились после закрытия воздушного пространства над Конго по решению ООН. К сентябрю 1960 года ситуация в Конго обострилась до предела. Все стреляли во всех. Лумумба и его сторонники теряли одну позицию за другой. В этих условиях Хрущев готовил атаку на ООН и ее Генерального секретаря Дага Хаммаршельда, которого не без оснований считал проводником политики США.

Советский лидер намеревался поставить вопрос о Конго первым на Генассамблее. Эйзенхауэр не отказал в себе в удовольствии нанести иезуитский опережающий удар. «Балтика» с Хрущевым прибывала в Нью-Йорк 19 сентября, Генассамблея начинала работу 20-го. Американская делегация в ООН предложила провести предварительно еще одну, Чрезвычайную, сессию со следующей повесткой дня: прием новых членов в ООН и положение в Конго. Открыть ее решили 17 сентября.

Делегации, отправлявшиеся в ООН не столь экзотическим способом, как Хрущев, могли просто поменять свои авиабилеты. А пассажиры «Балтики» попали в западню. Им оставалось следить за ходом чрезвычайной сессии ООН по Конго по радио.

19 сентября «Балтика» подошла к одному из не самых комфортабельных причалов нью-йоркского порта. Никаких официальных лиц и ковровых дорожек, как годом раньше. У трапа

²¹⁴ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2021. С. 510.

²¹⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 3, М., 2015. С. 137.

встречали советские сотрудники ООН, жители нашей колонии. Впереди дети с букетами цветов и толпа корреспондентов.

«Недружественные проявления настраивали отца на боевой лад, – замечал Сергей Хрущев. – Он считал, что подобная реакция империалистов свидетельствует о том, что он занимает правильные позиции... На заседаниях Генеральной Ассамблеи отец не терял времени даром, активно участвовал в продолжавшейся две недели дискуссии, выступал с заявлениями, брал слово по процедурным вопросам, заявлял протесты. По его мнению, он вел себя, как заправский западный парламентарий».

История с ботинком сколь знаменита, столь и запутана. Я насчитал как минимум с десяток версий. Сергей Хрущев, предпринявший специальные раскопки по этому вопросу, выяснил следующее.

Это был не ботинок, а сандалия.

Никаких кино- или фото-свидетельств стучащего по столу башмаком Хрущева не существует. Есть только фотография «Ассошиэйтед пресс». «На ней запечатлен спокойно сидящий на своем месте отец; вот только на пюпитре, как раз перед табличкой “Советский Союз”, лежит наделавшая столько шума коричневая сандалия».

Версия самого Никиты Сергеевича из его мемуаров – решил постучать туфлей по пюпитру в знак протеста против выступления представителя фашистского франкистского режима – не подтверждается другими очевидцами. Сандалия появилась во время выступления филиппинского представителя, сравнившего социалистический лагерь с концлагерем, когда ирландский председательствующий Фредерик Боланд не обратил внимания на желание Хрущева сделать замечание по ведению заседания²¹⁶.

Хрущев на Генассамблее произнес большую, как водится, речь о предоставлении независимости колониальным народам и о разоружении. Эйзенхауэр ограничился краткой речью, в основном посвященной помощи освободившимся от колониализма странам Африки, и лишь в двух словах затронул проблемы разоружения и освоения космоса.

Личные отношения между американским и советским лидерами достигли в то время столь высокого градуса неприязни, что Эйзенхауэр не просто отказался встретиться с Хрущевым. После безбожно раздутого прессой случая с ботинком он даже заявил госсекретарю Гертеру, что если бы обладал полнотой власти, «нанес бы удар по России, пока Хрущев находится в Нью-Йорке»²¹⁷.

Но удар, находясь в Нью-Йорке, пусть и асимметричный, нанес сам Хрущев. Именно там он впервые встретился с лидером кубинской революции и самой знаковой фигурой в Латинской Америке.

С Фиделем Кастро.

²¹⁶ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 342–345; 347–351.

²¹⁷ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 366.

Глава 2 Кастро

Революционер

Советский Союз долгое время мало интересовали латиноамериканские дела. «Когда говорят о том, что становление биполярной системы произошло в первые послевоенные годы, имеют в виду прежде всего Европу, – справедливо подчеркивают Печатнов и Манькин. – Оттуда этот процесс достаточно быстро, но не одновременно стал распространяться на другие регионы земного шара. В начале 50-х годов в зоне биполяризации оказался Дальний Восток, затем настала очередь Юго-Восточной Азии, стран Магриба и Ближнего Востока. Позднее, на рубеже 50–60-х годов, в сферу биполяризации попали Тропическая Африка и зона Карибского бассейна»²¹⁸.

Страны Латинской Америки впервые вступили на арену глобальной политики, когда большинство из них стали участниками антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

Вместе с США войну державам «оси» в декабре 1941 года объявили страны Центральной Америки и Эквадор, а позднее – Мексика, Бразилия, Боливия, Колумбия. Последней в войну вступила Аргентина, до февраля 1945 года поддерживавшая Германию. Бразильские войска воевали на итальянском фронте, мексиканская авиаэскадрилья участвовала в боях с Японией на Филиппинах и Тайване. Именно в тот период было положено начало военно-политическому союзу латиноамериканских государств с США, закрепленному созданием в 1942 г. Межамериканского совета обороны со штаб-квартирой в Вашингтоне. Из 50 первоначальных членов созданной в 1945 году ООН 20 представляли Латинскую Америку.

Война усилила и влияние левых сил. В Чили, Эквадоре, Коста-Рике, на Кубе коммунисты входили в правительства и были представлены в парламентах 12 стран. Это не могло не беспокоить США, которые предприняли энергичные усилия к тому, чтобы развернуть Латинскую Америку вправо. В сентябре 1947 года Соединенные Штаты и двадцать стран континента подписали Межамериканский договор о взаимопомощи – договор Рио-де-Жанейро. Он был дополнен созданием на межамериканской конференции в Боготе в 1948 году политического союза в виде Организации американских государств (ОАГ), в числе задач которой было противодействие «коммунистической опасности».

В апреле 1947 года были удалены из правительства и репрессированы чилийские коммунисты. За этим последовало физическое преследование коммунистов по всей Латинской Америке – тысячи были арестованы и убиты. Репрессии привели к восстаниям и гражданским войнам в Колумбии, Парагвае, Коста-Рике; эти выступления были подавлены войсками. В результате поддержанных США военных переворотов в конце 1940-х – начале 50-х годов были установлены диктаторские режимы в Перу, Венесуэле, Панаме, Боливии, на Кубе. В 1954 году в Парагвае на 35 лет утвердилась диктатура генерала Стресснера.

Военные перевороты и диктатуры усиливали роль армии, антикоммунизм зашкаливал. К середине 50-х нормальные дипломатические отношения с СССР поддерживали только Мексика, Аргентина и Уругвай. Получила распространение теория «географического предопределения», согласно которой США являются лидером и путеводной звездой для всего Западного полушария, а советские происки обречены на неудачу.²¹⁹ ОАГ в Каракасской декларации

²¹⁸ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2018. С. 387–388.

²¹⁹ Строганов А. И. Латинская Америка: Страницы истории XX века. М., 2011. С. 46.

1954 года подтвердила одной из основных целей противодействие распространению коммунизма в Новом Свете²²⁰. США буквально втаскивали страны континента в «холодную войну».

Однако солидарность с Вашингтоном была отнюдь не автоматической. Во время Корейской войны лишь Колумбия направила в Восточную Азию небольшой контингент. И многие латиноамериканские политики были возмущены, когда план Маршалла был предложен европейцам, а не южным соседям.

Континент становился заметным и в мировой экономике, хотя по большей части как источник сырья и продовольствия для Соединенных Штатов и поле деятельности транснациональных корпораций. В 1960 г. на долю США приходился 81 % иностранных инвестиций в латиноамериканские страны, Британии – 13 %. Бизнес-империя Рокфеллеров контролировала производство сахара и производство никеля на Кубе; Морганы – финансы, электроэнергетику, связь, производство сигар на той же Кубе, энергетику, телефонную сеть, медные рудники в Чили; Меллоны – чилийские железорудные месторождения и т. д. «Юнайтед фрут компани» владела миллионами акров лучших сельхозугодий на Кубе, в Гватемале, Гондурасе, Коста-Рике, Панаме, Эквадоре, Колумбии, Гаити, Никарагуа, Доминикане и Ямайке. Крупными акционерами «Юнайтед фрут» выступали и высшие руководители США, включая обоих братьев Даллесов – государственного секретаря и директора ЦРУ.

«Неудивительно, что любая попытка латиноамериканских государств поставить под свой контроль природные ресурсы и тем самым ограничить доходы иностранного капитала и нейтрализовать сотрудничавшие с ним местные политические силы приводила к общенациональным конфликтам, революциям и переворотам, в которых внешний фактор часто играл решающую роль»²²¹, – пишет латиноамериканист Евгений Александрович Ларин.

Когда в Гватемале к власти на выборах пришел леворадикальный политик полковник Хакобо Арбенс и был принят закон, по которому «Юнайтед фрут» потеряла 1,4 млн. акров земли, перешедших 138 тысячам крестьянских семей, США приравняли этот акт к объявлению войны. Правительство Арбенса было объявлено коммунистическим и представляющим угрозу континентальной безопасности. «В 1954 году мы раскрыли тайные транспорты оружия из Чехословакии в Гватемалу, – утверждал Аллен Даллес. – При этом суда были буквально набиты до отказа. Это был сигнал, и достаточно острый, что Советы оказывают массированную военную помощь коммунистическому режиму в латиноамериканской стране, расположенной недалеко от наших южных границ»²²². В соседних Гондурасе и Никарагуа американцы организовали «армию освобождения» во главе с К. Кастильо Армасом, которая вторглась на территорию Гватемалы. Арбенс и его сторонники были вынуждены покинуть страну.

Национально-реформистские режимы, делавшие упор на внутреннее и суверенное развитие своих стран и покушавшиеся на собственность американских корпораций, тоже вызывали раздражение в Вашингтоне. Вскоре произошел переворот в Гондурасе, в затем и в Бразилии, где военные свергли правительство Варгаса. По схожему сценарию потерял власть в Аргентине в 1955 году Перон.

Но в целом для администрации Эйзенхауэра отношения со странами к югу от границ США не были основным приоритетом. Его биограф Стивен Амброс писал: «После 1954 года, когда ЦРУ поддержало свержение правительства Арбенса в Гватемале, Соединенные Штаты в большей или меньшей степени игнорировали Латинскую Америку, поскольку Эйзенхауэр и Даллес концентрировали свое внимание на Европе, Среднем Востоке и Азии. Администрация и в особенности ее эксперт по делам Латинской Америки Милтон Эйзенхауэр призывали

²²⁰ Амброс С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 469.

²²¹ Всемирная история. Т. 6. Кн. 2. М., 2018. С. 405.

²²² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. Р. 206.

к оказанию большей экономической помощи региону, но получить фонды на эти цели от Конгресса... было трудно»²²³.

А в это время поддерживаемые США диктаторские режимы трещали под натиском левых сил. Пали проамериканские диктаторские режимы Одриа в Перу в 1956 году, Рохаса Панильи в Колумбии в 1957 году, Переса Хименеса в Венесуэле в 1958-м.

Отношение к США и американцам в Латинской Америке было довольно скверным. Как напишет один известный американский журналист, «они ненавидели нас, потому что платили за займы, полученные от нас; потому что частные инвесторы из США делали их зависимыми от нас, выводили баснословные прибыли и нечестно конкурировали с их компаниями; потому что их бедные вырастали в ненависти к своим богатым, а поскольку США были богаты, то ненавидели и нас; потому что мы требовали реформ, которые были ненавистны богатым, и они испытывали к нам те же чувства»²²⁴.

Настала пора и для Кубы, где американцы чувствовали себя почти как дома при диктаторе Фульхенсио Батисте. Куба была страной одной экспортной культуры – сахара. Она производила 5,5 млн тонн сахара, 40 % производства принадлежало американцам.

28 предприятий сахарной отрасли владели 153 тысячами кабальерий земли (1 кабальерия равняется 13,4 га), или 22,5 % всех обрабатываемых площадей на острове. Еще 10,7 % – 73 тысячи кабальерий – приходилось на сорок скотопромышленников. Всего же 68 компаний и физических лиц владели 10 % всей территории Кубы и 53 % земель, годных для обработки. Остальные земли не использовались. Крупнейшие латифундисты и головные офисы их компаний находились в Нью-Йорке.

Экономика Кубы сводилась, таким образом, к экспорту сахара и импорту всего остального из США. Даже бананов: кубинские бананы вывозились компанией «Юнайтед фрут» в США, а на Кубу той же компанией, но втрое дороже поставлялись бананы из Гватемалы. Более 70 % говядины и 60 % зерновых также закупали США. Для сохранения монокультурности американцы закупали сахар по цене выше мировой – это делало невыгодными другие виды производства. К 1959 году на США приходилось 71,4 % экспорта Кубы²²⁵.

Впрочем, существовали и другие виды бизнеса, связанные с развлечением американцев – игорная индустрия, публичные дома. Можно вспомнить эпизод из «Крестного отца», когда дон Корлеоне за ночь оставил в одном из казино Гаваны миллион долларов. Американские инвесторы также владели на острове коммунальными предприятиями, большинством нефтеочистительных заводов.

Главным образом благодаря прямым американским инвестициям Куба стояла на втором месте по показателю уровня жизни среди стран Латинской Америки. По уровню грамотности она вообще была впереди всех²²⁶.

Фидель Алехандро Кастро Рус родился 13 августа 1926 года (или 1927 года) в семье эмигранта из Испании Анхеля Кастро Руса. Рядовой земледелец, тот постепенно разбогател, стал скупать окрестные земли, создал на них плантацию сахарного тростника – одну из самых крупных в провинции Орьенте.

Мать Фиделя Лина Рус Гонсалес поначалу работала у него кухаркой. Систематического образования ни отец, ни мать не получили. Родители сочетались законным браком, когда Лина родила ему пятого ребенка (всего у них будет семеро детей). Причина столь затянувшегося романа без брака заключалась в том, что Анхель уже был женат, а первая супруга долго не давала ему развод.

²²³ Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 445.

²²⁴ Martin E. Kennedy and Latin America. Lanham (N.Y.), 1994. P. 5–6.

²²⁵ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 248–250.

²²⁶ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2016. С. 26.

Фидель рос в прекрасном доме в большой семье. Разночтения в годе появления на свет маленького Фиделя объяснялись тем, что родители, желая отправить сына поскорее в приходскую школу, приписали ему один год, и его приняли учиться не в шесть, а в пять лет. Так что по документам он был 1926 года рождения, а на самом деле 1927-го. Хотя Фидель и был младше одноклассников, вскоре он стал одним из лучших учеников. Увлекался спортом, стал неплохим бейсболистом. Его отличали фотографическая память, целеустремленность, амбициозность и склонность к протесту. Говорили, что в тринадцатилетнем возрасте он примкнул к работникам плантации его отца, когда те забастовали.

Школу Кастро закончил с отличием и в 1941 году поступил в престижный иезуитский колледж Белен, где отметился бунтарским нравом и участием во всех студенческих драках. Продолжил обучение Фидель в 1945 году на юридическом факультете Гаванского университета, где помимо учебной литературы увлекся книгами об истории освободительного движения в Латинской Америке и трудами Хосе Марти. Хотя читал и Ленина, Сталина, Троцкого, Муссолини и Гитлера. Марксизм-ленинизм его тогда интересовал мало.

Университетский диплом Фидель получил в 1950 году, и занялся частной юридической практикой, заслужив вскоре известность «народного адвоката»: он давал правовые консультации бесплатно тем, кто не мог себе их позволить. Политическую карьеру Фидель начал в Партии кубинского народа («Ортодоксов») и даже попытался стать ее кандидатом на выборах в парламент. Но добиться выдвижения не смог: руководство партии сочло его взгляды чересчур радикальными.

11 марта 1952 года на Кубе произошел военный переворот, и власть захватил Батиста. Законодательная власть перешла к совету министров, парламентаризм стал неактуален.

Кастро подготовил иск в гаванский суд против Батисты с обвинениями за нарушение конституции и захват власти. В ходе разбирательства Фидель заявил:

– Логика подсказывает мне, что если существует правосудие, Батиста должен понести наказание. И если Батиста не наказан, а остается хозяином государства, президентом, премьер-министром, сенатором, генералом, военным и гражданским начальником, исполнительной властью и законодательной властью, владельцем жизней и состояний, значит, правосудия не существует... Если это так, заявите об этом открыто, снимите ваши мантии, подайте в отставку²²⁷.

Суд, естественно, не подал в отставку, а отклонил иск.

Известный британский историк Эрик Хобсбаум считал: «Фидель Кастро был достаточно типичной политической фигурой для Латинской Америки: сильный, харизматичный молодой человек из хорошей землевладельческой семьи, с неопределенной политической программой, но готовый личным примером подтвердить свою верность борьбе с тиранией. Даже его лозунги (“Родина или смерть”, первоначально “Свобода или смерть”, и “Мы победим”) напоминают лозунги более раннего периода антиколониальной борьбы: броские, но неопределенные»²²⁸.

Партия «Ортодоксов» распалась. Фидель вступил на путь революционной борьбы с режимом Батисты. Группировавшаяся вокруг 26-летнего адвоката молодежь организовала несколько повстанческих групп, которые 26 июля 1953 года совершили атаку на казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба и казарму в Баямо в надежде дать толчок общенациональному восстанию. Нападение провалилось, многие участники штурма погибли. Фиделя арестовали и посадили в тюрьму города Бониатико, в одиночную камеру. Военный трибунал проходил с 21 сентября в здании Дворца правосудия, где Фидель и произнес знаменитую речь на три с половиной часа, в которой клеймил режим Батисты и призывал народ к вооруженной борьбе против тирании:

²²⁷ Гайдар Т. А. Грозы на юге. Репортажи о революции. М., 1984. С. 23–24.

²²⁸ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2020. С. 493–494.

– Что касается меня, я знаю, что тюрьма будет для меня тяжелым испытанием, каким не была никогда ни для кого другого. Она полна для меня угроз, низкой и трусливой жестокости. Но я не боюсь тюрьмы, так же как не боюсь ярости презренного тирана, который отнял жизнь моих 70 братьев! Выносите ваш приговор! Он не имеет значения! История меня оправдает!²²⁹

Кастро получил 15 лет тюремного заключения. Но в тюрьме он пробыл только 22 месяца. Под давлением кубинской и международной общественности, в том числе американского посла, заговорщики были амнистированы.

Кастро эмигрировал в Мексику. Там он нашел немало единомышленников. Среди них был аргентинский врач Эрнесто Че Гевара, бежавший в Мексику из Гватемалы после свержения Арбенса. «Мне пришлось покинуть эту страну, переживая горечь поражения, испытывая боль вместе со всеми гватемальцами, надеясь и стараясь найти способ переделать судьбу этой охваченной горем страны, – напишет Че Гевара. – Фидель тоже прибыл в Мексику в поисках нейтральной почвы для подготовки своих людей к большому делу. Позади остался внутренний раскол, возникший после нападения на казарму Монкада, когда откололись все малодушные, те, кто по той или иной причине присоединились к политическим партиям или революционным группам, обязывавшим их членов к меньшим жертвам. Новые силы вливались в славные ряды “Движения 26 июля”, получившего свое название в честь даты нападения на казарму Монкада в 1953 году. Начиналась труднейшая работа для тех, кто должен был подготовить этих людей в условиях неизбежного в Мексике подполья, противостоя мексиканскому правительству, агентам американского ФБР и агентам Батисты...»

Опираясь на маленькую группу близких друзей, Фидель Кастро вложил все свои способности и необычайное трудолюбие в подготовку вооруженного отряда для отправки на Кубу... Мы начали постигать искусство стрельбы, и среди нас появились снайперы. Подыскав ферму в Мехико, мы под руководством генерала Байо (я в то время занимался подбором кадров) приступили к последним тренировкам, рассчитывая отправиться в путь в марте 1956 года. Однако в то время две мексиканские полицейские организации, которые находились на содержании у Батисты, охотились за Фиделем Кастро. Одна из них добилась успеха, задержав его».

Несколько дней спустя были схвачены многие другие его соратники. Они провели в заключении два месяца, но все же были освобождены.

«С этого момента началась лихорадочная деятельность, – рассказывал Че. – “Гранма” была подготовлена к выходу чрезвычайно быстро: съестные припасы, которые, по правде говоря, удалось достать в небольшом количестве, были свалены грудями вперемешку с обмундированием, винтовками, амуницией и двумя противотанковыми ружьями, к которым почти не было патронов. Наконец 25 ноября 1956 года в два часа ночи мы приступили к выполнению того, о чем говорил Фидель и что стало поводом для издевок в проправительственной печати.

– В 1956 году мы станем свободными или мучениками, – заявил он»²³⁰.

Итак, в ночь на 25 ноября 1956 года отряд Фиделя отплыл из мексиканского порта Туспан на яхте «Гранма» («Бабушка»), рассчитанной на 9 пассажиров. На борту было 82 смельчака, 2 противотанковых пулемета, 90 винтовок, 3 автомата, пистолеты, боеприпасы и продовольствие. Среди участников акции были брат Фиделя Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара и еще четыре иностранца – итальянец, мексиканец, гватемалец и доминиканец. Они должны были извне поддержать восстание, которое их соратники готовились поднять в провинции Орьенте.

На «Гранме» не знали, что к тому моменту, когда судно прокралось к берегам Кубы, восстание соратников на острове было уже подавлено, а на берегу пассажиров яхты ждала засада. Высаживаться пришлось в совсем не запланированном месте – около устья реки Белик,

²²⁹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 132.

²³⁰ Че Гевара Э. Эпизоды революционной борьбы. М., 2022. С. 154–156.

где они попали в большое болото с мангровыми зарослями. Именно болото спасло повстанцев от преследователей.

Че Гевара продолжал рассказ: «Какое-то каботажное судно заметило нас и сообщило по радио о своей находке батистовцам. Едва мы успели покинуть яхту, захватив с собой в большой спешке лишь самое необходимое, и забраться в болото, как над нами появилась вражеская авиация. Поскольку болото, по которому мы шли, было покрыто мангровыми зарослями, летчики противника, конечно, не обнаружили нас, но армия диктатуры уже шла по нашим следам...

Нам понадобилось несколько часов, чтобы выбраться из болота, в которое нас завели неопытность и безответственность одного из товарищей, назвавшегося знатоком здешних мест. И вот мы уже на твердой земле, заблудившиеся, спотыкающиеся от усталости и представляющие собой армию призраков, движущихся по воле какого-то механизма. К семи дням постоянного голода и морской болезни добавились три ужасных дня на суше. Ровно десять дней спустя после отплытия из Мексики, на рассвете 5 декабря, после ночного марша, прерывавшегося обмороками от усталости и привалами, мы добрались до места, название которого звучало как насмешка – Алегрия-де-Пио (Святая радость). Это был небольшой островок низкорослого кустарника, охваченный с одной стороны плантацией сахарного тростника, а с другой – несколькими полянками, за которыми начинался густой лес»²³¹.

До убежища, где можно было укрыться – гор Сьерра-Маэстра – сорок километров. Их разыскивали больше тысячи солдат правительственных войск, летавшие на бреющем полете самолеты. Группами по 2–3 человека с боями повстанцы пробивались к горам.

До условленного места – затерявшейся в горах усадьбы Кресенсио Переса, одного из организаторов «Движения 26 июля» – добрались лишь 22 революционера, остальные погибли или оказались в плену. Среди уцелевших были будущие лидеры освобожденной Кубы: Фидель и Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Камило Сьенфуэгос, Рамиро Вальдес, Хуан Альмейда. На всех было два автомата. Регулярная армия Батисты насчитывала 30 тысяч бойцов.

Кубинская пресса и американские информагентства сообщили о разгроме отряда мятежников и гибели Фиделя Кастро. Однако постепенно молва стала доносить сведения о все более активных партизанских вылазках в Сьерра-Маэстра. Фидель с его неизменной снайперской винтовкой оказывался в первых рядах при военных вылазках.

«В течение всего периода, начиная с момента высадки с “Гранмы” и последующего поражения в бою при Алегрия-де-Пио и кончая боем при Уверо, повстанческие силы состояли лишь из одной партизанской группы, руководимой Фиделем Кастро, и мы были вынуждены находиться в постоянном движении, – писал Че. – Этот период можно было бы назвать “кочевым”.

Между 2 декабря и 28 мая (день, когда произошел бой при Уверо) начинают понемногу налаживаться наши связи с городскими подпольными организациями... К концу первого года борьбы в стране назревало всеобщее восстание. На фабриках и заводах совершались акты саботажа... Повстанческая армия достаточно окрепла в организационном отношении и располагала простейшей системой службы продовольственного снабжения, небольшими кустарными мастерскими по изготовлению самых необходимых вещей; были созданы полевые госпитали и налажена связь»²³².

К отряду стали примыкать все новые добровольцы. Местное население испытывало к ним растущую симпатию, помогая продуктами, предупреждая о приближении правительственных войск. Лозунг повстанцев – «Воюем не против армии, а против Батисты» – помогал переманивать на свою сторону и солдат режима.

²³¹ Че Гевара Э. Эпизоды революционной борьбы. М., 2022. С. 158.

²³² Че Гевара Э. Эпизоды революционной борьбы. М., 2022. С. 299.

«Нам благоприятствовало, во-первых, то, что враги нас вначале не принимали всерьез; во-вторых, многие люди думали, что мы просто романтики и что мы идем на верную смерть; в-третьих, кое-кто думал, что нами движет тщеславие; в-четвертых, существовало мнение, что наша группа революционных руководителей – проводники консервативных или нерадикальных идей»²³³, – скажет Фидель Кастро.

Ширились ряды «Движения 26 июля», куда массово вступали и безработные, и землевладельцы. Репрессии режима Батисты только множили ряды сопротивления.

Сторонники Кастро за рубежом, в США, странах Центральной Америки, помогали деньгами и оружием. В марте 1958 года самолет из Коста-Рики доставил отряд бойцов во главе с Педро Миретом и оружием, после чего Фидель радостно заявил:

– Теперь мы действительно выиграли войну!

Борьбу повстанцев в Сьерра-Маэстро поддержали лидеры победившей 23 января 1958 года венесуэльской революции. 6 декабря того же года аэродром в Сьерре принял самолет с грузом из Венесуэлы, что немало помогло в решающем наступлении на силы Батисты²³⁴.

Руководство кубинских коммунистов – Социалистической народной партии (СНП) – поначалу весьма скептически отнеслось к затее Кастро, полагая, что революция должна произойти в результате восстания городского рабочего класса, и явно недооценивая самого Фиделя. Да и Фидель не нуждался ни в партии, ни в чьем-то идеологическом руководстве. Однако, когда стало ясно, что движение захватило воображение кубинцев и успешно расширяет режим Батисты, кубинские коммунисты перешли на сторону Фиделя. Тем более что Рауль Кастро и Че Гевара по своим взглядам были весьма близки к коммунистам.

²³³ Всемирная история. Т. 6. Кн. 2. М., 2018. С. 411.

²³⁴ Хейфец Л. С., Хейфец В. Л. Традиция интернационализма в идеологии и практике кубинской революции // Звезда Че Гевары. История кубинских интернационалистов / Авт. – сост. А. И. Колпакиди. М., 2021. С. 58.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.